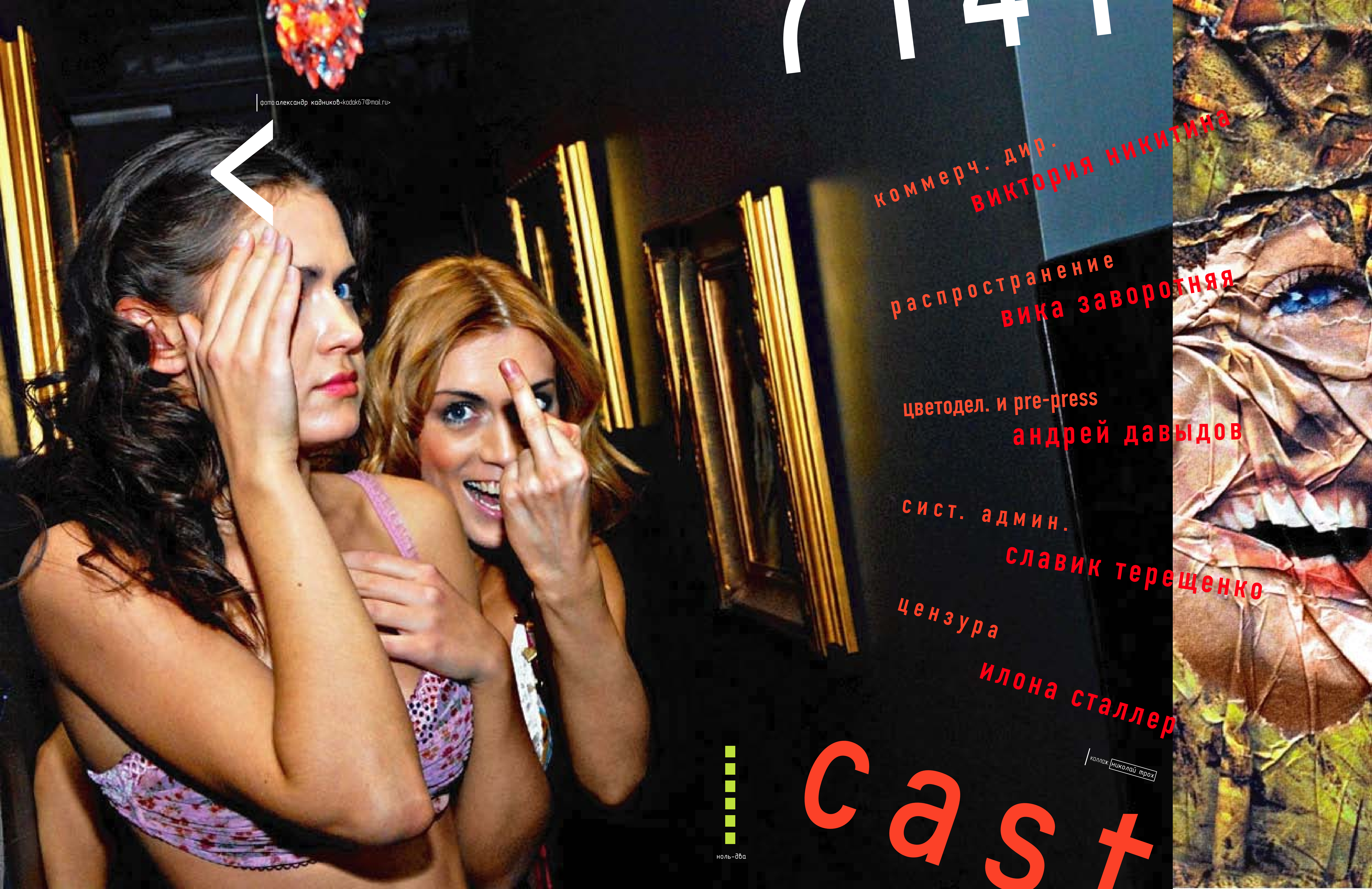

ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР НОМЕР ДВА: РЕДАКЦИЯ ПРЕДЛАГАЕТ ПРОЧЕСТЬ 297618 ПЕЧАТНЫХ ЗНАКОВ, УВИДЕТЬ 307 КАРТИНОК И СТАТЬ НЕМНОГО УМНЕЕ И ЛУЧШЕ. СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ТЕХ, КТО УШЁЛ. CTRL+ALT+DELETE.
#62
СЕНТЯБРЬ'2007
горючие слёзы
19.6.89.
НАШ
стопов ✱ поворотов нет
НАШ # 62/2007
рис: Александр Джикия

COUNTER-
CULTURAL
MAGAZINE
NASH
1999-2007
ISSUES
СТАРЫЕ НОМЕРА
ЖУРНАЛА НАШ ПРОДАЮТСЯ
НА WWW.DIVA.DP.UA
(кое-каких
уже и нет,
кстати)
SALE
ноль-один
foto aus artcologne:yegor kovalcuk<kaljaki_maljaki@t-online.de>
7139-я
страница
ИЗДАТЕЛЬ
И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
АНТОН БУХМАН
Информационно-развлекательный журнал "НАШ" #62 (последний номер-2), сентябрь 2007 года. Издатель и учредитель: ООО Независимая издательская организация "Дива"/Адрес редакции и издателя: 49038 Днепропетровск, пр-кт Карла Маркса, 98, 80562.32-25-80, 8056.370-42-68, <art@nash.org.ua> Журнал отпечатан в типографии "Украина": Днепропетровск, ул. Комиссара Крылова, 7а, 0562.347711/Тираж[24985]экз./Цена договорная/Свидетельство о регистрации кв#3605 от 24.12.1998

фото:александр кадников<kodak67@mail.ru>
коммерч. дир.
виктория никитина
распространение
вика заворотняя
цветодел. и pre-press
андрей давыдов
сист. админ.
славик терещенко
цензура
илона сталлер
коллаж: николай трох
cast
ноль-два

7 1 4 2

С 1998 года в журнале остаются незанятыми вакансии: директора, заместителя директора, шеф-редактора, выпускающего редактора, директора по рекламе, менеджеров по рекламе, менеджеров по рекламе на сайте, менеджеров по маркетингу, координатора по маркетингу, менеджера по работе с рекламодателями, ассистента рекламного отдела, финансового менеджера, директора отдела спецпроектов, менеджеров по спецпроектам, директора по распространению, менеджера по подписке, директора по персоналу, менеджера по подбору персонала, директора отдела моды, редактора отдела моды, стилиста, редактора отдела часов и аксессуаров, редактора отдела красоты и здоровья, редакторов рубрик, переводчика, бильд-редактора, фоторедактора, ассистента фоторедактора, главного фотографа, фотографа, продюсера, контрольного редактора, ассистента редакции, начальника отдела координации печати, менеджера по печати, дизайнера шрифтов, дизайнера заголовков, операторов верстки, штатных корреспондентов, водителей, охранников, а также Президента и членов Совета директоров Издательского дома.
Все вышеперечисленные должности взяты из выходных данных известного глянцевого издания.

Журнал НА!!! всегда рад откликнуться на предложения о творческом сотрудничестве.

БУКВЫ, ПРОБЕЛЫ И ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ – TEXT@NASH.ORG.UA

Литературный редактор Макс Шевцов, колорист-дизайнер Виктория Аксютина и арт-директор-дизайнер-ивсётакое Игорь Николаенко ждут нежных писем и телеграмм.

welcome

ФОТОГРАФИИ И РИСУНКИ – ART@NASH.ORG.UA

РЕКЛАМА И ПРОСТО ДЕНЬГИ – NASH@NASH.ORG.UA

рис: carlos amorales (в обработке)

EDIT

:вместо Письма Редактора

РЕАНИМИРОВАННАЯ ИЗ ОЧЕРЕДИ В ЧИСТИЛИЩЕ РЕДАКЦИЯ "НАШЕГО", НАХОДЯСЬ В НЕИЗМЕННО ХОРОШЕМ НАСТРОЕНИИ, ПОЕТ БОДРУЮ ПЕСЕНКУ О БЕССМЕРТИИ.
БЭК-ВОКАЛ – НЕСВЕЖАЯ ЖАННА ФРИСКЕ.

все фото:руслан иванов

скачай mp3

Благодарим за помощь в подготовке "последнего номера № 2"(он же 62 '2007), а также 55-и предыдущих номеров Николая Троха – великого украинского фотографа, фотолетописца жуткой эпохи 90-х, анархиста и скомороха, врага глянцевой пошлости, Старшего Товарища и Учителя, без которого НАс просто не могло быть. А также: Егора Ковальчука, Алексея Цветкова-мл., Александра Мильштейна, Диму Прибытько, Александра Кадникова, Елену Афанасьеву, ТОТЕМ, Ст. и Ю. Волязловских, Андрея Лусту, Бориса и Виту Михайловых, Николая Ридного, Михаила Котомина, Кирилла Кто, Валерия Постера, Елену Авдееву, Сергея М--олчанова, Александра Джикию, Джонатана Пилипчука, Михаила Елизарова, Дмитрия Десятерика, Адольфыча, Вадика Ганненко и многих других хороших людей. СПАСИБО ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА.

илья исупов/омут <www.isupov.com.ua>
(фото александра кадникова)

справа: **нео раух**/в дозоре

теорема

Планета теплеет. На южном полюсе обнаружен радужно светящийся осьминог, к которому раньше нельзя было добраться из-за льдов. Московские медведи в зоопарке так и не спали всю зиму, в январе на дачах взошла петрушка, рождественские опята

РЕДАКЦИЯ ВСЕГДА СЧИТАЛА, ЧТО ПРИРОДА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ – ГЛАВНЫЕ ВРАГИ ЧЕЛОВЕКА, А ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ ПРОИСХОДИТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО В МОЗГАХ GREENPEACOВЦЕВ. ОШИБАЛИСЬ. АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ ЗАДАЕТ ВОПРОСЫ.

рисунки:наш (под впечатлением от работ gary taxali)

оказались вполне съедобными, снег лежал шесть недель вместо обычных пятнадцати. О мрачных последствиях всего этого снял пугалку-документалку Альберт Гор. Пять лет назад человека так и не признали избранным президентом, и он теперь с удовольствием показывает всем, как будет выглядеть несчастливый конец этого неправедного мира, и весь глобус вот-вот посинеет. Планы на урожай срываются, миграция птиц и рыб нарушается, мерзлота оказалась никакой не "вечной", и поплыли на севере целые города, с юга наступают пустыни и вирусы. Весь прошлый год ооновские эксперты предупреждали: "Если средняя температура на планете поднимется ещё хотя бы на градус, погодная система утратит равновесие, и непредсказуемые перемены станут необратимыми". Сейчас никто не хочет отвечать и спрашивать, перешагнула ли планета этот критический градус? Сжигание нефти, газа и угля увеличило в атмосфере углекислый газ на 30%, а метан на 150% за наблюдаемый период. Парниковый эффект усиливается также повсеместной вырубкой лесов. Нельзя назвать этот парник абсолютным злом. Если бы его не было, температура снизилась бы на 25 градусов ниже нынешней. Проблема не в парнике, но в его стремительном уплотнении.

Партия климатических оптимистов, уверенных, что с погодой происходят "исключения, подтверждающие правило", стремительно тает, но и у них остаются свои аргументы: в природе достаточно обратных связей, чтобы компенсировать потепление. Солнечная активность к 2012-му году сократится, это волнообразный регулярный процесс. И вообще сейчас происходит выход из малого ледникового периода, и такое повышение температуры уже много раз случалось. Оптимистов обычно уличают либо в обывательском отсутствии стратегического мышления, либо в сознательном лоббировании интересов корпораций-загрязнителей: тепло- и электростанции, нефтепереработка, целлюлозно-бумажные комбинаты.

В партии катастрофистов есть два сценария. Согласно первому, везде серьезно потеплеет. Если планета лишится своих полярных шапок (прогнозы полного растворения льда колеблются от 2025-ого до 2060-ого года), уровень океана поднимется примерно на пять метров, как в доледниковую эпоху, когда трицератопсы разгуливали во влажных джунглях Антарктиды. Это означает "сжимание" суши и потерю примерно трети нынешних береговых зон. Для наглядности предъявляют Венецию, утонувшую за сто лет на 23 см, половина из которых приходится на тридцать последних годиков. С другой стороны, ледяные шапки есть не только на полюсах. Жизнеобразующие реки Азии, например, питаются горными льдами, и их резкое сокращение в последние десять лет уже привело к падению уровня и обмелению. Параллельно с поглощением берегов прогнозируется опустынивание огромных районов по всему экватору и 30%-ное сокращение тропических зон, пригодных для жизни. Главный аргумент катастрофистов - новое глобальное переселение народов. Там, где сейчас живут три с половиной миллиарда человек, в ближайшие двадцать лет всё либо утонет, либо высохнет, и никакая ирригация не поможет. Если сегодня эмигрантов из третьего мира можно обвинять в неспособности организовать достойную жизнь у себя на родине, завтра их придется принимать без всяких аргументов, и количество переселенцев значительно превысит число коренных жителей "приемлемых для жизни" сжимающихся зон.

Согласно второму, более сложному сценарию, переселяться будет вообще некуда, потому что опустынивание одних зон совпадет с оледенением других. Самый явный пример - Гольфстрим, несущий теплый воздух в Европу, потеряет скорость, перестанет "бить" так далеко, и зимы в Париже станут примерно как в Мурманске. Мерзлота не исчезнет, а сместится, захватывая весь север Евразии и доставая до Казахстана и Украины. Потери берегов в этом сценарии почти не происходит, но поляризация климата делит планету на две малопригодные для жизни зоны - пустыню и мерзлоту, между которыми зажаты ничтожно узкие лесные пояса, способные "выдержать" около двадцати процентов нынешнего земного населения. Согласно докладу экспертов минобороны США "Сводка погоды 2010-20", Европа нового века - это зона голода, а питьевая вода - вероятная причина войны между ведущими странами.

Что предлагается? Давать премии за чистые технологии и соблюдать Киотский протокол. США, главный загрязнитель, отказываются его ратифицировать. Китай, который стремительно догоняет США по загрязнению, по киотской схеме считается развивающейся страной и не имеет конкретных обязательств до 2012-го. Согласно киотской философии, сокращать надо не везде одинаково, а там, где дешевле выходит, и потому отдельные страны и корпорации, могут продать другим свои квоты на загрязнение. Патриоты видят в протоколе ограничение промышленного роста европейскими конкурентами. Либералам не нравится столь явное вмешательство государства в экономику и нарушение корпоративного суверенитета. Короче, все за потепление. Люди чувствуют то, что в календаре майя и инков было записано с самого начала - "времена года, дня и ночи закончатся в 2012 году". Поэтому никто не верит в вывод на орбиту гигантского зонтика, поглощающего солнечное тепло. Не верят в себя даже адепты "не парникового" образа жизни: флуорисцентные лампы, энергоберегущая бытовая техника, транспорт вместо умножения автомобилей, перевод двигателей на спирт, раздельный мусор, энергия ветра, солнца, приливов-отливов и других возобновляемых источников. Идея "непарникового стиля жизни" целиком принадлежит среднему классу. Но учитывая узость этого самого класса и несравнимость раздельного мусора с корпоративным промышленным загрязнением, речь идет скорее о желании оказаться чистым перед лицом климатического апокалипсиса, чем о реальном влиянии на погоду за окном.

0

Настоящие индейцы знали, что всё так будет с самого начала. Через пять лет их календарь заканчивается нолем или, точнее, "закрытым глазом", темнотой. Чьей кровью оплачены такие знания, можно видеть в фильме "Апокалипто", поэтому и относишься к ним серьезно. Оно ведь обстояло прежде как? Аристократия жила за счет крестьянского труда и, освобожденная от грубой стороны жизни, могла себе позволить тонкий вкус и парадоксальные идеи. Население и потребление практически не росли. Потом появились люди (особо борзые из мужиков плюс лишенные наследства из самих аристократов), которые задумались: а нельзя ли тоже жить за счет других, но иным способом, раз уж земли и холопов нам не досталось? Таким новым способом оказалась торговля. Буржуазию кормят покупатели и изобретение потребностей. Торговый строй быстро приравнял все ценности к рыночным ценам, несмотря на брезгливое фырканье аристократов. И потребностей и самих потребителей нужно было всё больше. Из-за этого и начало злокачественно теплеть. Интересно на этом фоне смотрелся романтический бунтарь, впоследствии "авангардист", доживший до наших дней в облике контркультуры. Чтобы быть признанным, он отказывался и от титулов и от денег, которых у него никогда не было, и никто ему их не предлагал. Эта богемная имитация производила впечатление не на аристократов и буржуа, а на рядовых работников-покупателей. Союз масс и богемы с целью отмены апокалипсиса под красным флагом назывался "коммунизм". Но этот удивительный проект, призванный сделать аристократами буквально всех, а холопов заменить роботами, провалился. Аристократия тоже зря ждала реванша. Её гибель точно показана в последнем фильме про молодость доктора Лектора. Фашистский танк и советский самолет сталкиваются, и этот огонь испепеляет последних европейских феодалов. Маленькую наследницу земель варят и съедают страшные мужики, и единственный отпрыск рода становится неуловимым мстителем. В мире после Второй мировой аристократ может быть воображен нами только как иррациональное зло, прихотливый сериал киллер, который опасно много умеет и чувствует. Именно поэтому у Лектора нет реальных прототипов. Он ни в чем не похож на

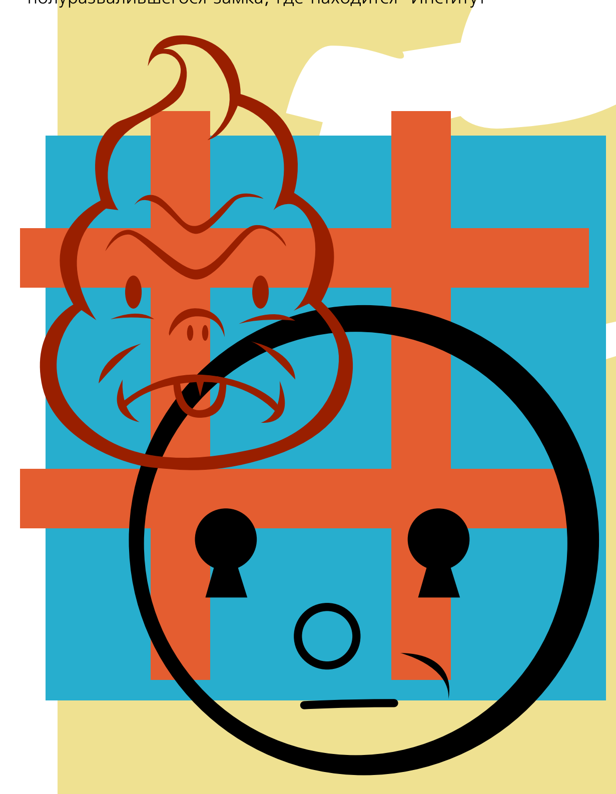
настоящих маниаков из подворотен. Его популярность - это просто страх буржуа и наемных работников перед почившим господином прошлого. Во всех сериях он спрашивает плебейских детективов: зачем вы меня ловите? И ответить им нечего.

ГЛАЗ

Просто Лектор знает про индейский календарь, а они нет. Особо верится в "закрытый глаз" в России. Легко представить себе завтрашнее общество как толпу пенсионеров (стареем), в которой от скинхедов (правеем) прячутся гастарбайтеры, задешево взявшие на себя почетный труд копания могил. Фильм "Остров" с его рекордным телерейтингом передает этот кладбищенский аромат. "Остров" - это наш "Форест Гамп", национальная модель святого. Святой - это всегда адвокат простых людей. Форест Гамп идеально оправдывал социальную пассивность и предпринимательскую активность американцев. Герой Мамонова оправдывает страх, малодушие, бедность, мазохизм, бесправие и мистический инфантилизм современных россиян. Вот Житие: от страха выстрелил в своего командира, потом всю жизнь боялся попасть в ад, молился и кликушествовал, а в конце оказалось, что он вовсе ни в чем и не виноват. Правы не те, узнаем мы из фильма, кто смело смотрел в лицо фашистскому захватчику, но те, кто соглашался, зажмурившись, стрелять в своих. Именно им открыта дорога в рай. Правы не те, у кого было нечто дороже их жизни и сильнее страха, но те, чей страх сильнее всего. Этот страх ложится в основу "русской веры". Люби отчизну, не зли мента, не трогай церковь, она свята. Не самый плохой, кстати, отходняк для общества, которое встретит 12-ый год старым, усталым и тающим.

Х

Как и ты, дорогой читатель, я принужден к ответу на вопрос: чем заняться в оставшиеся пять лет до закрытия глаза? Можно харкнуть на всё, описанное выше, и замкнуться в автономной зоне. Переехать, например, в Данию, под громкую музыку драться там с полицией, перекрашивать Русалочку и разводить грибы. Если драться не хочется, есть и тихие нестоличные сквоты. Шанс распахнуть объятия навстречу финальному пламени на крыше полуразвалившегося замка, где находится "Институт абсолютной гармонии", а пока проповедовать обкуренным девушкам, что потепление началось, когда человек перестал быть странником и собирателем и стал оседлым земледельцем. Можно и не переезжать. Сквоты в Москве организуют неофутуристы, а стритфайтингом желающие занимаются на "Маршах несогласных".

Можно харкнуть и с минарета, т.е. перебраться в Ливан или Иран, раствориться в самой упрямой религии, избавиться от страха своей и чужой смерти, признав, что жизнь есть джихад, разбудить в сердце внутреннего имама, заблудиться в куфическом лабиринте и орнаментальном лесу и до последнего часа гордиться тем, что мировые империалисты считают первым врагом именно цивилизацию Пророка, которую ты выбрал напоследок. Главное тут - не вспоминать неприятный фильм провокатора Триера про большого босса. Босс был выдуман хитрым менеджером для того, чтобы сваливать на него все непопулярные меры, а когда пришлось предъявлять босса, наняли заурядного актёра и обконфузились. Тому, кто слышит азан пять раз в день, незачем смотреть такие фильмы.

Можно, оставаясь по месту прописки, напоследок пожить по-человечески. Избраться в Думу от "кремлевских левых" или от "марширующих несогласных", или просто работать там, организуя им выборы и теша себя иллюзией, что на что-то влияешь. Мои итальянские друзья из "Рифондазионе" оказались в дураках именно таким способом. Эти молодые антиглобалисты привели к власти Проди и получили свой кусок парламента. Как и обещали народу, потребовали от него вывода войск из Ирака и ещё много чего, но в ответ услышали про обязательства Италии и сохранение стабильности. Отказать Проди в доверии, значит развалить коалицию и отдать власть ненавистному неоконсерватору Берлускони. Забыть о собственных лозунгах, значит перестать быть "Рифондазионе" и нарушить верность великим событиям прошлого. Игра, в которой гарантирована бессонница и торговля с совестью. Мой французский товарищ Безансно, почтальон, троцкист и пункер, избирается в президенты страны, но его обвиняют в том, что он, вместе с трактористом Бове, просто отъедает голоса у мадам Руаяль и отдает Францию правым.

Можно, наконец, найти немалое удовольствие в творчестве. Заняться сочинением более правильных концовок к известным сказкам. Дюймовочка с королем эльфов нежатся на шкуре раскулаченного и выпотрошенного ими крота. Колобок продолжает плясать и петь в лисьем животе, вынуждая хищницу объесться поганок и срыгнуть эту несъедобную еду. Можно даже не записывать и не публиковать, раз уж осталось так недолго, просто развлекать себя. Или прославиться напоследок социальным романом? У утопленников есть свой король, и он хочет растопить полюса, чтобы мы стали его подданными. Сейчас все их пишут. И Сорокин про опричников, и Пелевин про баблос, и Быков про газ флогистон, заменивший нефть и начавший гражданскую войну, и Славникова про войну эту самую, развившуюся из костюмированного шоу, а уж Гаррос с Евдокимовым в своих триллерах рассказывают всю правду про "отрицательную селекцию", которая раз за разом отбирает и поднимает наверх самых говененьких ребят. Что уж говорить про тех, кто помоложе - Прилепина, Шаргунова, Ключареву. Новые народники, да и только. Так что социальных романов вроде бы хватает и без меня.

Наконец, можно просто сечь телек и смеяться, как и поступает мудрое буддистское большинство моих соседей. Они всегда знали про "закрытый глаз", по крайней мере, вели себя так, будто знают. В российском телевизоре есть три типа юмора. Для пенсионеров, плохо адаптированных к капитализму, Задорновы, Гальцевы, Петросяны, шоу одесситов, и прочий Аншлаг с куплетистами. Для среднего класса и среднего ума, вращающих этот самый капитализм, стараются Нагиев, Шац и программа "Хорошие шутки" с бесконечной прослушкой пленки наизнанку. А уж студентов и старшеклассников, только выбирающих ориентацию, смешат черным ниггерским юмором бульдоги из Камеди-клаба и их бла-бла-клоны. Проблема в том, что я не понимаю, с кем именно мне себя ассоциировать. Адаптирован я хуже пенсионера, в офисе не устаю, да и при слове "жопа" не смеюсь уже лет пятнадцать.

Что посоветуешь, дорогой читатель? Дробить хребты и черепа врагам? Изменить мир, не прикасаясь к власти? Пиши на адрес журнала НАШ, а там уж мне передадут. Обещаю учесть все предложенные варианты и использовать (со ссылкой на авторов) самые смелые идеи в следующих своих "гонзо" и дальнейшей своей жизни. Все люди - братья и должны развлекать друг друга оставшиеся пять лет.

Алексей Цветков,
апрель 2007-го

фото справа вверху: александр кадников <kodak67@mail.ru>
справа внизу: елена афанасьева <totem@public.kherson.ua>

7154

РУКОВОДСТВУЯСЬ НЕОБХОДИМОСТЬЮ ОТДАВАТЬ КАРМИЧЕСКИЕ ДОЛГИ, РЕДАКЦИЯ РЕШИЛА-ТАКИ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ЛЕГЕНДАРНЫМ ДЖИКИЕЙ, О РЕАЛЬНОСТИ ВСТРЕЧИ С КОТОРЫМ 8 ЛЕТ НАЗАД СТРАШНО БЫЛО ПОДУМАТЬ, ЧТО НЕ МЕШАЛО ВОРОВАТЬ ЕГО РАБОТЫ ДЛЯ САМЫХ ПЕРВЫХ НОМЕРОВ НА!!!ЕГО.

классики

Рисунки Александра Джикии знакомы каждому, кто в конце 1980-х был достаточно взрослым, чтобы листать прессу, в те годы неожиданно открывшую для себя "новое искусство". Если звучавшие отовсюду песни "Наутилуса", "ДДТ" и "Кино" стали саундтреком к яркой и жуткой адреналиновой эпохе, вошедшей в историю под названием "perestroyka", то картинки московского художника с греческим именем и грузинской фамилией стали одной из неотъемлемых составляющих ее визуального образа. В течение нескольких лет проникнутые мрачновато-абсурдистским юмором джикиевские картинки, жанр которых колебался в диапазоне от философской притчи до анекдота на злобу дня, появлялись на страницах большинства мало-мальски прогрессивных изданий, став в определенных кругах таким же фетишем, как стихи Пригова и Кибирова или свежеопубликованные в те годы "Случаи" Даниила Хармса (позднее выпущенные Джикией в виде малотиражной "книги художника" с собственными иллюстрациями). Прошло несколько лет, и публика подзабыла о художнике: наступили хищные 90-е, и постсоветскому человеку в одночасье стало не до актуального искусства - на первый план вышли проблемы элементарного выживания. При этом сам Джикия рисовал, не сбавляя темпа. Менялась манера и тематика: в рисунках появлялось все больше мифологии, а некогда строгие линии становились изломанными, вызывая в памяти работы европейских авангардистов начала 20 века. Но выставки Джикии проходили большей частью в Европе, а в конце 95-го и сам художник, получив грант, отправился за океан. Где неожиданно для себя остался на десять лет - сначала работая плотником в знаменитом музее Гуггенхейма в Нью-Йорке, а потом преподавателем рисунка и дизайна в престижном турецком университете.

И вот осенью 2006-го Джикия вновь появился на московской арт-сцене: в трех разных галереях состоялись выставки его старых и новых "картинок", а друзья из "Студии А-Б" помогли выпустить внушительных размеров монографию "Полный каталог. 1982-2004". В книгу вошел список названий всех работ Джикии (а их больше трех тысяч) и репродукции нескольких сотен избранных рисунков, лучшие из которых мы представляем и на наших страницах. Собственно, на этом можно ставить точку: картинки Джикии настолько самодостаточны, что не требуют пространных разъяснений. Для тех же, кому на этих разворотах будет не хватать буковок, предлагаем немного прямой речи - фрагменты из двух интервью художника, одно из которых было взято Анной Чудецкой для книги "Полный каталог", второе же Александр дал специально для этого номера журнала.

...каждый художник, что и кого бы он ни рисовал, всё равно рисует себя. Поэтому, если я рисую собаку, старуху, дерево, мёртвого солдата, Сталина, грязного бомжа без ноги – это всё равно я; разницы между мной и остальными нет. Всё на свете – это я. И в жизни я (иногда) чувствую, что все, кто живёт на этом свете – это я. Поэтому бывает так тяжело жить.

Мне повезло со зрительским успехом. Я очень благодарен всем тем, кому нравились мои картинки. Но меня всегда больше интересовала моя собственная оценка того, что я делаю, и в этом смысле указанный период времени /рубеж 1980-90-х/ был для меня самым плохим в жизни.

Хармс дал поэтическое определение хорошему стихотворению: если скатать в комок листок с таким стихотворением и бросить его в окно, стекло разобьётся. Прагматически хорошее стихотворение (музыку, картинку и т.д.) можно определить количеством единиц восприятия. Баха, например, можно слушать бесконечное количество раз, Бетховен надоедает быстрее, а кое-кого даже невозможно дослушать до конца. Мне нравится пересматривать некоторые из своих картинок, другие я предпочёл бы никогда не нарисовать. В любом случае, хорошие вещи

засаду. И тогда приходится уходить от своего стиля.

Америка – странная страна. Это "Тот Свет". Всякий, кто попадает туда, испытывает на себе это чувство. Там другое небо, оно больше нашего. Там живут хорошие люди, с которыми трудно дружить. С которыми сразу понимаешь нашу нашесть и ихнюю ненашесть (в каждом правиле есть исключения, конечно). Желания остаться в Америке у меня не было никогда, но разве мы живём соответственно нашим желаниям?

хороши тем, что они удивительны; и самое интересное, что они могут надолго сохранять это ощущение удивительности. Если, например, рисуешь какое-то лицо, и оно вдруг получается удивительным, то на него интересно смотреть годы спустя.

Когда у меня получается хорошая картинка, я сам удивляюсь. Как она получается – я не знаю. Случаются удачи. Плохие картинки вторичны, сделаны с использованием штампов. Штампы находятся в руке, в голове, в сознании. Возможно, штампы это и есть "стиль". Я думаю, что все художники в какой-то момент попадают в эту

Я учился студентом в МАрхИ, плотником в Гуггенхейме, и преподавателем в университете Билкент в Анкаре. В Гуггенхейме я учился работать по-американски, т.е. эффективно. Там я был на хорошем счету, и за глаза назывался "crazy Russian". Я строил и ломал стены, пилил фанеру на циркулярной пиле и всячески проявлял русскую смекалку. Почти дослужился до "assistant construction manager", но сменил страну проживания и профессию, после чего дослужился-таки до "assistant professor", что соответствует нашему званию "доцент".

(О комиксе) Искусства перетекают одно в другое. Литература подразумевает временное изменение, течение слов и понятий. Можно предположить, однако, наличие "стоп-кадра" в литературе, или в вербальном изображении некоего феномена, который, также, может быть изображен графически. Видимо, этот пограничный момент и называется рисунком. Деталировка рисунка приводит к живописи и уходу от повествования. Возврат от рисунка к повествованию называется комиксом. Мне ближе рисунок.

Карикатура – это анекдот, она предлагает зрителю единственный ответ на единственный вопрос; в ней нет искусства, потому что искусство никогда не даёт никаких ответов ни на какие вопросы.

Мне неоднократно предлагали поработать в анимации, но это противоречит принципу моего рисования. Я рисую один раз, и в этот момент говорю всё, что должно быть сказано.

Для сравнения возьмите каллиграфию. Невозможно анимировать полубессознательное движение кисти. Я не могу повторить движение своей руки.

<О том, как возникает идея картинки> Есть несколько подходов. Иногда что-то происходит во сне. Например, мне приснился плакат времён Великой Отечественной войны с подписью, которую я запомнил. Я очень бережно отношусь к любым текстам и считаю, что перестановка даже одного слова недопустима. И если одно слово "ушло", и ты его заменил чем-то сходным по смыслу, то это уже подделка. На рисунке я повторил композицию того плаката. Хотя я и не смог воспроизвести его в точности, потому что плакат был нарисован сухой кистью в манере соцреализма, я же так рисовать не умею. Текст зато удалось вытащить из сна без потерь: "Всё же фрицу пропадать/ Хоть малыш без самолёта/ У него есть наша жопа/ А у фрица только блядь".

Московская жизнь не определяется понятиями выносимости или невыносимости... Я никогда не уезжал из Москвы, потому что из неё нельзя уехать. Тем более, что я уже в неё вернулся.

...надо стараться быть открытым миру, потому что мир постоянно проявляет свою чудесность людям, которые настроены его видеть. Чудесность мира, безусловно, это самая главная вещь, которая меня интересует. Не совпадения, знаки, фокусы, а чудо первой категории – чудо существования.

фото:**александр кадников**<kodak67@mail.ru> из проекта **сон разума рождает**
группы **квас** (совместно с **сергеем васильевым**) галерея **ра**, киевская фотобиеннале–2007

использована работа с.а.чуйкова (дочь советской киргизии)

ВМЕСТО ПОСТЫЛЫХ КНИЖНЫХ ОБЗОРОВ РЕДАКЦИЯ РЕШИЛА НАПЕЧАТАТЬ КУСОК ИЗ, ПОЖАЛУЙ, САМОГО СИЛЬНОГО РУССКОЯЗЫЧНОГО РОМАНА, НАПИСАННОГО ЭТОЙ ВЕСНОЙ И ВЫШЕДШЕГО В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "AD MARGINEM" ЭТИМ ЛЕТОМ. АВТОР – МИХАИЛ ЕЛИЗАРОВ ("НОГТИ", "PASTERNAK")

1. ГРОМОВ

Писатель Дмитрий Александрович Громов (1910 - 1981) дожил свои дни в полном забвении. Книги его бесследно канули в макулатурную Лету, а когда политические катастрофы разрушили советскую Родину, о Громове, казалось, вспомнить было некому.
Громова мало кто читал. Конечно, редакторы, определявшие политическую лояльность текстов, а потом критики. Вряд ли кого-нибудь могли насторожить и заинтересовать названия "Пролетарская"(1951), "Счастье, лети!" (1954), "Нарва" (1965), "Дорогами труда" (1968), "Серебряный плес" (1972), "Тихие травы" (1977).

Биография Громова шла бок о бок со становлением и развитием социалистического отечества. Он закончил семилетку и педагогический техникум, работал ответственным секретарем в редакции заводской многотиражки. Чистки и репрессии не коснулись Громова, он спокойно дотянул до июня сорок первого года, пока его не призвали. На фронт он попал военным

корреспондентом. Зимой сорок третьего Громов отморозил руки. Левую кисть удалось спасти, а вот правую ампутировали. Так что все громовские книги были созданы вынужденным левшой. После победы Громов увез семью из ташкентской эвакуации на Донбасс и до пенсии оставался в редакции городской газеты.
За перо Громов взялся поздно, зрелым сорокалетним человеком. Он часто обращался к теме становления страны, воспевал ситцевое бытье провинциальных городков, поселков и деревень, писал о шахтах, фабриках, бескрайней целине и битвах за урожай. Героями громовских книг обычно бывали красные директора или председатели колхозов, солдаты, вернувшиеся с фронта, вдовые женщины, сохранившие любовь и гражданское мужество, пионеры и комсомольцы - решительные, веселые, готовые к трудовому подвигу. Добро торжествовало с мучительным постоянством: в рекордные сроки поднимался металлургический комбинат, недавний студент за полгода заводской практики превращался в закаленного специалиста, цех перевыполнял план и брал новое обязательство, зерно по осени золотыми реками текло в колхозные закрома. Зло перевоспитывалось или упекалось в тюрьму. Разворачивались и любовные страсти, но очень целомудренные - поцелуй, заявленный в начале книги, по аксиоме театрального ружья стрелял холостым чмоканьем в щеку на финальных страницах. И Бог с ними, с темами. Написано это было заунывным слогом, хоть и добротными, но пресными предложениями. Даже обложки с тракторами, комбайнами и шахтерами были из какого-то сорного картона.
Страна, породившая Громова, могла публиковать тысячи авторов, которых никто не читал. Книги лежали в магазинах, их уценивали до нескольких копеек, сносили на склад, сдавали в утиль, и выпускали новые никому не нужные книги.
Последний раз Громова напечатали в семьдесят седьмом году, а потом в редакциях сменились люди, знавшие, что Громов - это безобидный словесный мусор ветерана войны, в котором общественность хоть и не особо нуждается, но и не имеет ничего против его существования. Громов отовсюду получал вежливые отказы. Государство, празднуя грядущее самоубийство, высиживало бесноватую литературу разрушителей.
Овдовевший одинокий Громов понял, что отпущенное ему время истекло, и тихо умер, а через десять лет вслед за ним ушел СССР, для которого он когда-то сочинял.
Хоть и было выпущено Громова общим числом больше чем полмиллиона, только отдельные экземпляры чудом осели в клубных библиотеках в далеких поселках, больницах, ИТК, интернатах, гнили в подвалах, схваченные накрест бечевкой, стиснутые материалами какого-нибудь съезда и ленинским многотомьем.

И все же у Громова имелись настоящие ценители. Они рыскали по стране, собирая оставшиеся книги, и ничего не пожалели бы за них.
Это в обычной жизни книги Громова носили заглавия про всякие плесы и травы. Среди собирателей Громова использовались совсем другие названия - Книга Силы, Книга Власти, Книга Ярости, Книга Терпения, Книга Радости, Книга Памяти, Книга Смысла...

2. ЛАГУДОВ

Валериана Михайловича Лагудова без сомнения можно отнести к числу самых влиятельных фигур громовского универсума.
Родился Лагудов в Саратове в семье учителей, был единственным ребенком. С детства отличался хорошими способностями. В сорок пятом семнадцатилетним юношей он отправился добровольцем на войну, но до фронта не добрался - в апреле заболел двусторонним воспалением легких, месяц пролежал в госпитале, а в мае война завершилась. Эта тема опоздавшего на войну солдата была для Лагудова чрезвычайно болезненной.
В сорок седьмом Лагудов поступил в университет на филологический факультет. Успешно защитив диплом, он двенадцать лет проработал журналистом в провинциальной газете, а в шестьдесят пятом году его пригласили в литературный журнал, где он возглавил раздел критики.
Предшественник Лагудова расстался со своей должностью, прозевав сомнительный по лояльности роман. Хрущевская оттепель миновала, но границы цензуры оставались довольно размытыми - поди разберись, то ли текст в духе нового времени, то ли антисоветчина. В итоге, и журнал, и издательство получили серьезный нагоняй. Поэтому Лагудов был внимателен ко всему, что ложилось на его стол. Он, мельком проглянув повесть Громова, решил в один вечер разделаться с книгой и больше к ней не возвращаться. В голове он заведомо держал теплую рецензию - критиковать бывшего фронтовика, пусть и написавшего с художественной точки зрения посредственный, но зато политически корректный текст о зенитчиках, Лагудову не позволяла совесть. К ночи с книгой было покончено. Сам того не подозревая, прилежный Лагудов выполнил Условие Непрерывности. Он не забывал о бдительности и прочел повесть от первой строки до последней, не пропуская заунывные абзацы с описанием природы или какой-нибудь патриотический диалог. Так Лагудов выполнил Условие Тщания.
Прочел он Книгу Радости, она же - "Нарва". По воспоминаниям бывшей жены, Лагудов перенес бурное эйфорическое состояние, не спал всю ночь, говорил, что подверг бытие всеобщему анализу, и у него появились великолепные мысли, как принести пользу человечеству, раньше он был запутан в жизни, а теперь все стало ясно, при этом громко смеялся. К утру эмоции утихли, и он сухо сообщил встревоженной жене, что его идеи рано подвергать оглашению. В тот день он не смог выйти на работу, настроение было подавленным, и мыслей о всеобщей гармонии он больше не высказывал.

Содержательная сторона эйфории, которую пережил Лагудов, не имела смысловых пересечений с громовским сюжетом, и Лагудов никак не связал ночные события с прочтением книги. Но в душе все же остался некий эмоциональный рубец, благодаря которому Лагудов запомнил писателя по фамилии Громов.
Спустя восемнадцать лет Лагудов увидел в захудалом вокзальном магазинчике повесть Громова. Ностальгируя по далекому ночному счастью, Лагудов купил книгу - она стоила после всех уценок пять копеек и была невелика, на две сотни страничек - как раз на предстоящую дорогу.
В электричке обстоятельства опять помогли Лагудову выполнить два Условия. В одном вагоне с ним ехали подвыпившие парни, донимавшие пассажиров. Немолодой и не особо сильный Лагудов предпочел не связываться с рослыми хамами. Ему было по-мужски стыдно, что он не может окоротить негодяев, и он уткнулся в страницы, изображая человека, предельно увлеченного чтением.
Лагудову тогда досталась Книга Памяти - "Тихие травы", от которой он ненадолго впал в дремотное состояние. Книга подложила Лагудову ярчайший фантом, несуществующее воспоминание. Лагудова захлестнула такая сокрушающая нежность к той приснившейся жизни, что он в слезливом восторге оцепенел от всепоглощающего чувства светлого и чистого умиления.
С прочтением второй громовской Книги судьба Лагудова круто изменилась. Он оставил работу, развелся с женой, и следы его затерялись. Через три года Лагудов снова возник, и вокруг него уже сформировался мощный клан, или, как они сами себя называли - библиотека. Именно этот термин со временем распространился на все организации подобного толка.
В библиотеку Лагудова в первую очередь вошли люди, на которых он проверял Книгу Памяти. Лагудов поначалу самонадеянно связывал чудесный эффект с личными качествами. Опыты же показали, что при соблюдении Условий, Книга безоговорочно воздействовала на всех. Ближайшим сподвижником Лагудова стал психиатр Артур Фризман - Лагудов первые месяцы сомневался в своем психическом здоровье.
Лагудов проявлял осторожную избирательность, приближая людей мирных обнищавших профессий - учителей, инженеров, скромных работников культуры - тех, кого наступившие перемены запугали и морально подавили. Он полагал, что униженная новым временем интеллигенция окажется податливым и надежным материалом, неспособным на бунт и предательство, в особенности, если восполнит через Книги, а косвенно и Лагудова, свою извечную классовую тоску по духовности.
Во многом этот домысел был ошибочным. Громовские Книги полностью меняли личность, просто осмотрительному Лагудову преимущественно везло с новыми товарищами, кроме того, ему квалифицированно помогал Фризман, который вербовал далеко не всех подряд.
Попавшие в библиотеку обычно испытывали к Лагудову глубокое уважение и преданность, и это было объяснимо - большинству отчаявшихся, измученных нищетой людей Валериан Михайлович возвратил надежду, смысл существования и сплоченный единой идеей коллектив.
Первые два года Лагудов в основном собирал под знамена униженных и оскорбленных интеллигентов, потом он решил, что библиотеке явно не хватает жесткой силы. Тогда Лагудова выручил Фризман. В диспансер частенько обращались за помощью люди, надломленные афганской войной. Таких вначале обрабатывал Фризман, а затем передавал Лагудову. В девяносто первом году библиотека пополнилась отставниками, не пожелавшими изменить советской присяге. Бывшие офицеры превратили интеллигентов в серьезную боевую структуру с жесткой дисциплиной, разведкой и службой безопасности. Библиотека всегда могла выставить до сотни бойцов.
Разумеется, система отбора давала сбои. Появлялись беспечные болтуны, почем зря треплющие языком о Книгах. Несколько раз пробивались ростки заговора. Доля смутьянов была одинаково трагична - они исчезали бесследно.
Случались и похищения Книг. Лагудова предал рядовой читатель - некто Якимов. Получив в порядке очередности из запасников Книгу Памяти, он обманул хранителя и бежал в неизвестном направлении. Книг у Лагудова имелось достаточно, и библиотека не обеднела, но сам по себе прецедент был отвратителен, и вдобавок, предателю удалось скрыться.
По следам удавшегося преступления пошли и другие читатели. Этих удалось изловить. Ради пошатнувшегося авторитета Лагудова и острастки будущих злоумышленников книжных воров четвертовали на глазах всей "библиотеки".
Якимова же случайно обнаружили спустя год после дерзкой кражи. Он укрылся в Уфе. Туда был немедленно отправлен карательный десант с заданием уничтожить похитителя и вернуть Книгу. Каково же было удивление бойцов Лагудова, когда они выяснили, что Якимов, находясь в Уфе, не терял времени зря и организовал собственную библиотеку.
Небольшой лагудовский отряд принял мужественное решение не выжидать подкрепления. В лаконичной манере "иду на вы" они открыто оповестили Якимова о разборке. Было оговорено холодное оружие, выбрано загородное, поглуше место.
Стоит заметить, что и читатели библиотеки Якимова существовали по принципу "мертвые сраму не имут". В ту ночь победа не досталась никому. Противники, утомленные кровопролитной схваткой, отступились.
На новую карательную экспедицию Лагудов не решился. Нужно было защищать книгохранилище от ближнего врага, а не рассылать отряды за тридевять земель, губить верных читателей ради удовлетворения амбиций. Библиотеку без того окружали многочисленные и агрессивные конкуренты.
Долгое время Лагудов полагал, что распространение знаний о Громове происходит за счет предателей из его библиотеки. Он слишком верил в свою избранность и не допускал мысли, что кто-то, кроме него, оказался способен самостоятельно проникнуть в Книги. Всех же, кто строил могущество на его, лагудовском, открытии, Лагудов относил к людям второго сорта, нечистоплотному ворью. И впоследствии, когда пришлось расстаться с идеями исключительности, Лагудов, хоть и скрепя сердце, шел на равноправный контакт только с первичными, натуральными библиотекарями - теми, кто своими мозгами, без подсказки разгадали тайну Книг.

Процент приобщившихся к Громову через утечку информации был довольно велик, и многие новые кланы организовывались вокруг беглых читателей, причем воровство было не обязательным - еще в конце восьмидесятых обзавестись Книгой Памяти при сильном желании не составляло большого труда. Основную роль сыграли не перебежчики и не сплетни, а миссионерская деятельность первых "апостолов", чьи имена давно заняли посмертные места в пантеоне этого жестокого и закрытого общества. Стоит назвать некоторых.
Шепчихин Петр Владимирович. Он работал в типографии и набирал Книгу Памяти. Перепутав обложки, он унес домой не присмотренный детектив, а Громова. По случайности он застрял на полночи с Книгой в лифте, и под утро освобожденный лифтерами, вышел другим человеком. Натура чувствительная, Шепчихин сразу понял - дело не в его физиологии, а в таинственной Книге. Потрясенный тайной, он оставил работу и дом, побрел по стране, став одним из самых ярых пропагандистов Громова.
Шепчихин погиб, и убрали его, вполне вероятно, те самые неофиты, которым он когда-то рассказал о Книге. Они расправились с ним, решив, что просветительская активность Шепчихина слишком опасна для герметичности громовского мира.
Дорошевич Юлиан Олегович. Находился на принудительном лечении в ЛТП и, чтобы не сойти с ума от трезвой скуки, читал. В таких полутюремных библиотеках оседал всякий хлам, мало-мальски стоящие книги там не задерживались. Но благодаря ЛТП Дорошевич узнал о Громове и Книге Терпения "Серебряный плес". Эта Книга дарила любому страждущему ощущение великого утешения и примирения с жизнью. Говорили, она помогает при боли физической, действуя как общая анестезия. На остальные чувства, кроме горя, страха и боли, Книга вроде бы не оказывала существенного влияния, просто приморaживала их до общего равнодушия. Душевный склад Дорошевича способствовал специфичной избирательности миссионерства. Он открывал Книгу только самым несчастным, на его взгляд, людям. Жизненный путь Дорошевича оборвался при невыясненных обстоятельствах, кто убил его, неизвестно - наверняка тот, кто посчитал грех убийства много меньше своего страдания.
Возможно, история преувеличивает душевные качества бродячих "апостолов", и на самом деле хотели они, как и все библиотекари, личного господства, также пытались создать книжные общины, но не справились с миссией.
Это странное бескорыстие несколько противоречило специфике тайны. Всякий новый читатель, приобщенный к Громову, понимал, что Радости, Терпения или Памяти на всех не хватит, и лучше о Громове помалкивать. В коллективе проще было сохранить Книги и приумножить их число, поэтому и перевелись эти одинокие бродячие открыватели. Новых же читателей выбирала сама библиотека. Охотнее вербовали людей одиноких, бессемейных, с душевным надломом, долго присматриваясь к кандидату: достоин ли тот стать причастным чуду, сможет ли его хранить и оберегать, а если надо, отдать жизнь.

Словом, конкурентов у Лагудова оказалось достаточно. Вскоре из всех мало-мальски значимых мирских библиотек вместе с Книгами таинственным образом исчезли библиографии Громова. Даже в Ленинке кто-то изъял всю информацию в картотеке. После компьютеризации данные об отсутствующем авторе, соответственно, никуда не вносились, и Громов формально исчез. На стеллажах тоже похозяйничали. Без картотеки оставалось лишь гадать о подлинном количестве публикаций.
У собирателей Громова к началу девяностых был условный перечень из шести уже опробованных Книг. Еще имелись сведения о седьмой, которую называли Книгой Смысла. Считалось, с ее обнаружением прояснится истинное назначение творчества Громова. Пока никто не мог похвастать найденным Смыслом, а некоторые скептики утверждали, что такой Книги просто не существует.
Полное собрание сочинений рассматривалось всеми библиотеками как гигантское заклинание, которое должно было дать некий глобальный результат.
Лагудовские теоретики говорили о "состоянии богоподобия", длящемся предположительно в таком же временном отрезке, как действие любой отдельной Книги. Какие выгоды можно извлечь из этого состояния, никто не знал, справедливо полагая, что в шкуре Бога в голову придут идеи надчеловеческие. Рядовым читателям сообщалось: Лагудов, ставший Богом, сразу позаботится о своих соратниках.
Велись разговоры о конце света, о "книжной интоксикации", грозящей смертью читающему, или о том, что все Книги, прочитанные зараз, поднимут мертвых. Но это были лишь гипотезы.
Предполагалось, полное собрание сочинений могло находиться у самого Громова, но к моменту, когда Лагудов приступил к поискам, Громов давно умер, квартира перешла к посторонним людям, которые в первую же неделю избавились от хлама.
Единственная дочь Громова, Ольга Дмитриевна, проживала с семьей на Украине. Под видом журналистов ее посетил человек Лагудова и с огорчением узнал, что имевшиеся у нее две Книги она подарила случайному посетителю, который представился литературоведом, изучающим творчество ее отца. Названий книг Ольга Дмитриевна тоже не запомнила. Вроде бы это были Книги Памяти и Радости.
Лагудов, конечно же, выяснил, кто опередил его, но проку в том было не много - Книги навсегда потерялись. Идти на вооруженный конфликт с конкурентами Лагудов не стал. В конце концов, его никто не обманывал, противник просто оказался проворнее, и винить стоило только себя. Лагудов сделал выводы на будущее и утроил усилия.
У Громова был брат Вениамин, которому он тоже слал свои книги. С этим братом Лагудову повезло - кроме имеющихся уже Книг Памяти и Радости, нашлась довольно редкая и ценная Книга Терпения "Серебряный плес". Действуя как морфий, Книга намертво удерживала в библиотеке всех страждущих...
Годы систематических поисков не прошли бесследно. В лагудовском хранилище, по слухам, находилось восемь Книг Радости, три Книги Терпения и не меньше дюжины экземпляров Книги Памяти - "Тихие травы" издали последней, и она сохранилась лучше других: ее в мире оставалось до нескольких сотен экземпляров. Книга Памяти была полезна стратегически - с ней легко вербовались и удерживались читатели, падкие на чувство умиления.
Две Книги Памяти и квартира в центре Саратова были обменены на опасную Книгу Ярости "Дорогами труда", способную пробудить состояние боевого транса даже в самом робком сердце.
Остальные Книги надо было еще поискать. Большие надежды возлагались Лагудовым на дальние регионы страны и ближнее азиатское зарубежье, где Книги Громова теоретически могли сохраниться, потому что к началу девяностых на территории центральной России, восточной Украины и Белоруссии все лежащие "на поверхности" Книги были подобраны собирателями различных библиотек.
Когда же поиск затруднился, в ход пошли средства далеко не самые благородные. Все чаще практиковались разбойные нападения на хранилища.

Примерно в то же время активизировались так называемые переписчики - читатели, копирующие Книги для продажи и личного обогащения. Переписчики, продававшие их, утверждали, что действие копии не отличается от печатного оригинала.
Рукопись почти всегда содержала какие-нибудь ошибки или пропуски слов и оказывалась пустышкой. Не действовали и вроде бы исключающие погрешности ксероксы. Думали, решающее значение имеет полиграфия, и некоторые Книги были подпольно переизданы. О качестве репринтной "липы" ходила противоречивая информация. В любом случае, повсеместно утверждалась мысль, что копия никогда не сравнится с подлинником.
Фальшивки спровоцировали множество стычек, в результате которых не одна оступившаяся библиотека прекратила существование. Переписчики были вне закона, их уничтожали свои и чужие. Но в одном они преуспели - появилось довольно много подделок.
Тогда же начались случаи вандализма. Продавались и обменивались оригинальные Книги с искусно удаленной страницей, вместо которой вклеивалась любая другая из похожей бумаги. Понятно, изувеченная Книга не действовала. Если раньше обычно ограничивались беглым просмотром Книги, то после таких инцидентов пересчитывали страницы, сличали их на предмет шрифта, качества бумаги.

Между библиотеками никогда не существовало особого доверия, никто не желал усиливать мощь конкурента. Обмены или продажи были весьма редки, и любое мошенничество вызывало кровопролитный конфликт.
Бой проводился в глухом месте, обставлялся торжественно - представители библиотек несли Книги, закрепленные на шестах, как хоругви. Вначале это были оригиналы, затем их частенько заменяли муляжами. Огнестрельное оружие категорически запрещалось. Речь шла не только о своеобразном ратном благородстве. Резаные или дробленые раны для внешнего мира, с его моргами, больницами и правоохранительными структурами, всегда было проще замаскировать под несчастный случай, обычную "бытовуху". Пулевые ранения исключали любую иную трактовку. Кроме прочего, этот вид оружия был шумным.
Обычно в бою использовались предметы хозяйственного обихода - ножи мясницких размеров, топоры, молотки, ломы, вилы, косы, цепы. В целом, отряды вооружались на манер крестьянского воинства Емельяна Пугачева или чешских гуситов, и вид этих людей неизменно возвращал к идиоме "смертельный бой", потому что с косой и разделочным топором смерть была особенно ощутимой...
Лагудова же в последние годы, кроме ближайших соратников, никто не видел. Поговаривали, Валериан Михайлович затаился, опасаясь наемных убийц из конкурирующих библиотек.

! ERROR

3.
ШУЛЬГА

Николай Юрьевич Шульга был пятидесятого года рождения. Рос пугливым и застенчивым, в школе учился хорошо, но отличался нерешительностью. В результате простудного заболевания у Шульги развился лицевой тик. Ему сделали несколько неудачных операций, оставивших глубокие шрамы. Шульга очень стыдился своего недостатка, усугубленного громоздкими очками. Товарищей он практически не имел. В шестьдесят восьмом году Шульга со второго раза поступил в пединститут, но на третьем курсе бросил учебу и завербовался на северную комсомольскую стройку, где, по его словам, "людей ценят не по внешности, а за трудовое мужество".
Пару лет Шульга, ломая интеллигентскую натуру, был разнорабочим в нефтеразведке, труд оказался тяжел и неинтересен, над ним все равно посмеивались, потому что отнюдь не героического вида Шульга объяснял происхождение тика и шрамов неудачной охотой на медведя.
В семьдесят втором Шульга подрядился в партию промысловиков по пушному зверю. В бригаде было еще два охотника и проводник из местного населения. Метель загнала их в избу и на месяц похоронила под снегом. Многовековой таежный опыт предупреждал об опасностях коллективного заточения. Проводник сотворил заговор, чтоб люди от замкнутого отчаяния не постреляли друг друга.
Народное колдовство не сработало, пересиленное более могучим средством. Все кончилось бедой. Прошлый жилец оставил, кроме солонины и дроби, с десяток книг, вперемежку с газетами - на растопку. Шульга от скуки принялся за Громова. Ему досталась Книга Ярости "Дорогами Труда". В литературе он понимал мало, и унылость текста соответствовала его темпераменту. Так Шульга выполнил два необходимых Условия - Тщания и Непрерывности.
А после прочтения Книги в избушке началась смерть. Пытаясь скрыть преступление, Шульга расчленил убитых и отнес в тайгу. Останки были обнаружены поисковой группой. Трупы удалось опознать. Шульга предстал перед судом. Вины он не отрицал, искренне раскаиваясь в содеянном. Чудовищный свой поступок истолковывал отравлением "собольим ядом", который был у промысловиков - чтобы не портить ценные шкурки, зверьков травили. Он утверждал, что яд каким-то образом попал ему в пищу.
Шульга рассказал, как при свече читал, а потом почувствовал "измененность состояния", будто по всему телу пробежал кипяток.
Скорее всего в адрес Шульги слетело обидное слово. К примеру, сказали: "Хватит, мудила дерганый, свечки на херню переводить". Озлобленные вынужденным заточением люди особо не церемонятся с выражениями, а теснота дает достаточно поводов для грубости.
Шульга испытал всплеск нечеловеческой агрессии, схватился за топор и порешил проводника и охотников. Через несколько часов гнев выветрился, пришло осознание содеянного.
Шульге сделали соответствующие анализы и никаких последствий яда в организме не обнаружили. Учитывая его раскаяние, помощь следствию и психогенный клаустрофобический фактор преступления, высшую меру заменили пятнадцатью годами строгого режима.
Грозная статья не помогла Шульге в лагере. Далекий от уголовной казуистики, он, простодушно отвечая на расспросы, упомянул, что проучился "два года в Педе". Долговязый, щуплый, в очках, с прыгающей щекой, еще в следственном изоляторе получивший кличку Завуч, Шульга был идеальным объектом глумления.
Подавленным невзрачным видом он сам определял себе статус в лагере - где-то между забитым "чушком" и "шнырем", вечным уборщиком.
Отчаяние и страх терзали Шульгу. Исправить что-либо в своей жизни он не мог. Это на фронте из разряда трусов реально было перейти в герои, совершив подвиг. Подвига или хотя бы поступка, сразу поменявшего бы его положение в уголовном мире, он не знал, да и не существовало, вероятно, подобного поступка.
Шульга сдружился в основном с такими же несчастными, как он, "чушками" или "обиженными". Соседи по бараку, рядовые "мужики", общались с Шульгой крайне неохотно, понимая, что тот дрейфует по иерархии вниз, и старались лишний раз не пересекаться с человеком, которому того и гляди за излишнюю беспомощность подарят "тарелку с дыркой" - то есть опустят.
Шульга, не знакомый с лагерной кастовостью, в расчете на сокращение срока и какие-то поблажки, клюнул на предложение администрации и вступил в секцию профилактики правонарушений. А потом выяснил, что перешел в разряд "козлов" - так называли зэков, согласившихся сотрудничать с лагерным начальством.
Шульга попал в "актив". С повязкой на рукаве он дежурил на КПП между "жилухой" и "промкой" - жилой и промышленной частями зоны. Учитывая хоть и незаконченное, но все же гуманитарное образование и состояние здоровья - обострился лицевой тик, - Шульгу перевели на работу в библиотеку. Там было полегче.
Он сидел шестой год. В свободное время Шульга запоем читал, причем все подряд, лишь бы занять ум. Страх поутих, и в минуты душевного или ночного затишья он часто задумывался над тем, что сделало из него - незлого робкого человека - убийцу. Воспоминания приводили к той погибшей в огне книжке в грязно-сером переплете.
В лагерной библиотеке Шульга обнаружил громовскую повесть "Счастье, лети!". Это была совсем другая книга, не та, что он прочел, но фамилию автора он не забыл. Воскресным вечером со свойственной ему дотошностью Шульга прочел Книгу Власти. В какой-то момент он ощутил произошедшую с ним душевную трансформацию, его ум вдруг наполнился пульсирующим ощущением собственной значимости. Это новое ощущение Шульге очень понравилось и, главное, он понял его источник и причины.
Шульга заметил: благодаря Книге, он способен оказывать воздействие на окружающих, диктовать свою волю. Разумеется, менялся не мир вокруг, а человек, прочитавший Книгу, - таинственная сила временно преображала мимику, взгляд, осанку, воздействовала на оппонента жестами, голосом, словами. Можно сказать, Книга помогала Шульге вербовать души тех, кто входил в его круг общения - "козлов", "чушков", "обиженных", "парашников", "шнырей", "петухов" - неприкасаемых уголовного мира.
Тем временем в лагере старую воровскую элиту постепенно вытеснило новое поколение молодых бандитов. Эти уже не чтили прежний неписаный закон, запрещавший унижать кого бы то ни было без причины. Школа беспредела, зародившаяся в лагерях общего режима, переходила и на относительно благополучный "строгач". Низшим кастам жилось теперь намного горше. Опускали ради забавы, от скуки. Поводом могло послужить все что угодно - миловидная внешность, хилость, излишняя интеллигентность.
Однажды в лагере случился из ряда вон выходящий инцидент. Опущенный Тимур Ковров законтачил молодого, подающего надежды авторитета - Ковров бросился на него и стал облизывать. Блатной до полусмерти избил "петуха", но былое уважение он навсегда потерял, и более того, "зашкваренный" сам пополнил ряды отверженных, и вскоре его нашли повесившимся. Ковров же отлежался в госпитале, и, как увечному, срок ему, по слухам, сократили.
Вряд ли кто обратил внимание - за два дня до странного покушения Шульга провел беседу с Ковровым и подбил его на поступок. Этого Коврова опустили по подставе - как новичка усадили на "петушиный" стул в лагерном кинотеатре. И уж совсем никто не помнил, что еще раньше тот самый авторитет открыто измывался над Шульгой, обещая "вогнать очкастому козлу ума в задние ворота".
Так Шульга изобрел свой способ защиты от уголовного мира - через бессловесных, грязных, замученных существ, с отдельной униженной дырявой посудой, отчужденным местом, чьим уделом было открывать рот и становиться в позу.
За месяц были законтачены несколько уважаемых людей, все те, кто когда-либо досадил Шульге. Надо заметить, блатные, опущенные "петухом-камикадзе", потом долго не жили, они резали вены, вешались, иначе бы их с изощренной жестокостью насиловали давешние жертвы...
Шульга регулярно читал Книгу, дарящую ему на каждый день искусственную, но от этого не менее действенную харизму. Даже матерые зэки, не понимая, что с ними происходит, пасовали перед Шульгой.
Информация о том, кто настраивает "опущенных" против братвы, дошла до самого пахана - среди изгоев нашлись доносчики. Пахан недоумевал, как чмошник вдруг начал излучать такую душевую мощь. Нутром он чувствовал: Шульга непостижимым образом мухлюет - и после долгих размышлений пришел к правильному выводу. Ночью у Шульги выкрали Книгу. Пахан не разобрался с ее секретом, но по сути оказался прав с источником таинственного морока.
Утром Шульга обнаружил пропажу. А барачный шестерка передал, что старшие вызывают Завуча на разговор. Шульга догадывался, чем закончится встреча, но неоднократно пережитое ощущение власти сделало его незаурядной личностью.
Разборка произошла на лесоповальном участке. Был февраль и темнело рано. Пахан не ожидал сопротивления. С ним были всего один боец из ближайшего окружения и "бык", проигравший жизнь и ставший "торпедой", - он должен был устранить зарвавшегося Завуча. Впрочем, пахан предполагал, что до этого не дойдет. Он собирался предложить Шульге повеситься, чтобы "бык" не брал грех на душу. Петлю уже приладили на подходящую ветку.
Шульга выглядел настолько поникшим, что никому не пришло в голову проверить его на предмет оружия. И напрасно. В рукаве ватника он спрятал увесистый обрезок стальной трубы, в который для тяжести был забит песок.
Пахан с удовлетворением отметил: Завуч больше не пульсирует самоуверенностью, и лишний раз удостоверился, что имел дело с шулером, жульничающим при помощи какого-то необычного гипноза. Выслушав приговор, Шульга лишь поинтересовался, где находится сейчас Книга, обещая открыть ее фантастический секрет. Заинтригованный пахан вытащил Книгу.
Шульга неторопливо зачерпнул рукой пригоршню снега, подождал, когда тот растает до воды, взмахнул рукавом, так, что труба скользнула ему в руку и намертво примерзла к мокрой ладони. Первый удар он обрушил на голову "торпеды". Воры вытащили ножи, но дробящее оружие доказало свое преимущество. Шульге тоже досталось изрядно. Ему только хватило сил подобрать Книгу, затем он лишился сознания.
У поединка был тайный свидетель - заключенный Савелий Воронцов. Он уже давно находился под магическим влиянием Шульги и, чувствуя неладное, решил проследовать за ним и не ошибся. Помощь Воронцова очень пригодилась истекающему кровью библиотекарю. Выкорчевав из руки Шульги обрезок трубы, Воронцов подкинул его убитому "торпеде" и дал сигнал тревоги.
После инсценировки картина была иной: проигравшийся в карты "бык" учинил расправу над воровской элитой, Шульга пытался вмешаться и получил ранение.
Начальство не особо поверило в эту байку, но приняло ее как основную версию, тем более свидетелей было всего двое - Воронцов и раненый Шульга, и говорили они одно и то же. Месяц Шульга провел на больничной койке, потом вернулся в лагерь.
Второе покушение Шульга смог пресечь превентивными мерами. Вор, готовящий ночное нападение на Завуча, днем был зашкварен пидором Волковым, на месте погибшим от ножа, но спасшим своего хозяина.
Блатные разумно предпочли больше не связываться с Шульгой. Уважать его не могли, но трогать человека, по одному слову которого авторитетного вора могли бы опозорить, тоже было легкомысленно.
С тех пор жизнь Шульги была подчинена однотипному уставу - утром он перечитывал Книгу и остаток дня властвовал над униженными. Администрация посчитала нужным не вмешиваться в сложившуюся ситуацию. Шульга в роли социального противовеса наводил в лагере спокойствие и порядок, необходимые начальству, а за это ему оказывалась негласная помощь. Пока Шульга находился в лагере, блатные старались больше не допускать беспредела, и все касты относительно мирно сосуществовали.
Ближайшими соратниками Шульги по будущей библиотеке стали когда-то опущенный Тимур Ковров, чушки Савелий Воронцов, Геннадий Фролов и Юрий Ляшенко. Они освободились на несколько лет раньше Шульги. Сам он вышел в восемьдесят шестом, отсидев четырнадцать лет из пятнадцати положенных.
Шульга разыскал своих лагерных товарищей. В компании с ними он сразу приступил к активному собирательству Книг, раз сама судьба назначила его "библиотекарем". Поначалу в тайну он никого не посвящал, говорил иносказаниями и недомолвками. Даже преданному Коврову Шульга долго не раскрывал всей правды. Когда были найдены первые Книги Памяти и Радости, Шульга всегда присутствовал на чтениях, упирая на то, что эффект Книг достигается его присутствием.
Окружал себя Шульга привычным человеческим материалом, добывая его на социальном дне, по притонам и помойкам. Бывшие "парашники", "козлы", "вафлеры" стали под руководством Шульги опасной силой. Лагерные унижения породили у них лишь чувство сплоченности, непримиримой ненависти к обществу и одно большое желание мстить - кому угодно, всем сразу. Именно в контингенте было принципиальное отличие шульгинской библиотеки от других подобных образований.
В сравнении с тем же Лагудовым, делавшим ставку на интеллигенцию, Шульга опирался на отверженных. Кроме опущенных криминалов, рекрутов также набирали из разочаровавшихся сектантов, бомжей, собирателей бутылок, спившихся люмпенов последнего разбора, работоспособных инвалидов. Известно, что в библиотеку попала целая плотницкая артель глухонемых - полтора десятка здоровенных мужиков, ловко орудующих топорами.
К началу девяностых количество читателей перевалило за сто пятьдесят.
Для финансирования клана "штатские" умело занимались привычным попрошайничеством, мелким грабежом, вымогательством. "Пехота" - посвященные поисковики - добывала Книги.
Шульга не ошибся в выборе социальной среды. Великое заблуждение социума предполагало в отверженных душевную слабость, ненадежность, трусость. Наоборот, отверженность сама по себе уже граничила с избранностью. Люди Шульги, ежедневно причастные Тайне, были по-своему не менее духовны и интеллигентны, чем те же инженеры Лагудова. С книгами Громова им открывался вход в иной универсум - таинственный, грозный, полный загадок и будоражащей мистики, там тоже шла борьба, было много опасных соперников, существовал житейский и боевой кодексы, оставалось место благородству, отваге. Все решалось в честной, лицом к лицу, схватке, как в старинные времена. Была там душевная награда, куда более сильная, чем водочный приход, - надежда и вера в то неизведанное, что подарят в будущем найденные, еще не прочитанные Книги.
Нет, конечно, не все шло гладко. В восемьдесят девятом библиотека пережила раскол. Инициировали его Фролов и Ляшенко. Они утаили Книги Власти, найденные в одном из многочисленных поисковых походов. Фролов и Ляшенко возглавляли тогда экспедицию и, заполучив Книги, захотели личного лидерства.
Шульга понимал: любое жесткое вмешательство в ситуацию только навредит. Раскол был неминуем, и чтобы он не закончился кровавым финалом, Шульга сам решил возглавить его. Было проведено всеобщее собрание, на котором провозгласили образование еще двух библиотек.
Разделение произошло мирно. По слухам, Фролов увел сорок человек в Свердловск. Три десятка последовали за Ляшенко в Сочи. Шульга не обделил новых библиотекарей, выдал каждому стартовый капитал - по три Книги Памяти и Радости, чтобы новые библиотеки могли беспрепятственно вербовать читателей.
Из старой лагерной гвардии с Шульгой остались Ковров и Воронцов. Клан сократился наполовину, но единовластию Шульги на ближайшие сроки ничто не угрожало, Ковров и Воронцов были надежны и никогда бы не помыслили занять его место. Библиотека Шульги обладала шестью Книгами Памяти, девятью книгами Радости, четырьмя книгами Терпения, Книгой Ярости и Книгой Власти.

4.
МОХОВА

В конце восьмидесятых и в начале девяностых межклановые стычки за Книги были особенно кровавыми и частыми. Злобность библиотеки Елизаветы Макаровны Моховой стала легендарной. На истории этой женщины, во многом определившей судьбу всех собирателей Громова, следует задержаться особо, тем более, что известно многое.

Мохова выросла в семье без отца, была замкнутой девочкой, училась средне, близких подруг не имела, с начальных классов отличалась болезненным самолюбием. Закончив медицинское училище, она два года была на иждивении матери, числясь где-то уборщицей, затем сдала экзамены в фармакологический институт на вечернее отделение. Днем работала в аптеке.
Получив в восемьдесят третьем году второй диплом, Мохова устроилась в дом престарелых.
Приготовление лекарств ей нравилось, в лаборатории было прохладно и тихо. Среди порошков и пробирок Мохова тайно упивалась скрытой властью над дряхлыми подопечными, осознавая, что одного ее желания достаточно, чтобы превратить лекарство в смертельный яд, причем без возможности уличить отравителя, - Мохова была прилежной студенткой и разбиралась в тонкостях своего ремесла.
Иногда Мохова, шутки ради, подсыпала в кожную протирку от пролежней какой-нибудь едкой дряни, воображая, как скребется в постели та или иная бабка, пытаясь дотянуться артритной лапкой до источника огненного зуда, или часами таращится в черный потолок, пытаясь заснуть после успокаивающего порошка, наполовину состоящего из возбуждающего организм кофеина.
В таких забавах прошло еще несколько лет. Замуж Мохова не вышла, причем обвиняла она в этом мать, с которой проживала совместно. То ли от упреков, то ли от внутренней тоски мать умерла. Без ее пенсии денег на жизнь уже не хватало, и Мохова дополнительно устроилась на полставки медсестрой в женское отделение.
Там пришлось поначалу несладко. В палатах стоял тяжелый смрад - лежачие старухи оправлялись под себя. Ежедневно подмывать по нескольку раз добрую сотню пациенток не представлялось возможным, и некоторые санитарки предпочитали держать окна открытыми, чтобы обеспечить приток свежего воздуха. Поначалу старухи простужались и мерли, но оставшиеся в живых, наоборот, закалились, и в холода больше коченел персонал.
Борясь с вонью в ее первопричине, санитарки частенько недокармливали особо неопрятных. Единственное, в чем старухам не отказывали, так это в пище духовной. Им всегда выдавали газеты, журналы "Здоровье", "Работница" или книги, имевшиеся в библиотеке.
Мохова быстро освоилась с новой работой, причем проблему тяжелых запахов она устранила много гуманнее своих коллег. Профессия подсказала выход. Мохова приготовила крепительное средство, которое санитарки добавляли старухам в пищу, после чего даже самые заядлые какуньи оправлялись козьим пометом, причем не чаще раза в неделю.

Решающей вехой в жизни Моховой стал день, когда в руки восьмидесятилетней Полины Васильевны Горн попала редчайшая Книга Силы, в миру "Пролетарская".
Горн второй год как впала в старческое слабоумие. Она мало говорила, потеряв навыки речи, но память сохранила возможность читать. Она плохо понимала слова, но еще умела строить их из графических знаков. Смысл ей был уже не нужен. От бессонницы Горн прочла всю Книгу Силы, выполнив два Условия, и встала как Лазарь. Книга возвратила ей на время прыть и часть разума.
Мохова заглянула на шум и увидела дикую сцену.
Всегда лежащая в обмаранной ночнушке, Горн носилась между коек семенящим аллюром, хватая все, что попадется под руку. Вдруг неожиданно остановившись посреди палаты, Горн мучительно выкрикнула, словно выбила пробку из немого горла: "Илья Эренбург!" - и насильственно захохотала. Потом слова посыпались одно за другим, точно градины по жестяной крыше: " Давненько! Получилось! Военный, военный! Дамский! Сырой! Дамский! Что называется, забыла!!" Она пыталась называть встречающиеся ей предметы, но память плохо подчинялась, и Горн вслух описывала их свойства. Выхватив из-под соседкиной головы подушку, она рычала: "Кубашка?! Кадушка?! Мягкое, удобненько!! Заспанка!" Или, опрокинув коробку со швейными принадлежностями, выкрикивала: "Персток, неперсток! Чтоб не колко! Уколка!"
Начали просыпаться другие старухи, и Мохова собралась подвязать Горн и сделать ей инъекцию успокоительного.
Горн увидела мутный шприц в руке Моховой, и глаза ее вспыхнули злобой. Она не отважилась напасть на Мохову и предпочла отступательную тактику. Горн, точно коза, легко скакала через тумбочки и койки. Мохова, которая была моложе ее на полвека, просто не поспевала, ей было стыдно за свою медлительность, и она срывала злобу на проснувшихся бабках, которые наблюдали за погоней, поднявшись на кроватях как игрушечные встаньки: она развешивала во все стороны хлесткие пощечины, зная - склероз несчастных старушек не выдаст правды.
Мохова долго бегала со шприцем за прыткой Горн, мечтая побыстрее вколоть леденящее бодрость лекарство. Наконец, Мохова загнала Горн в угол и повалила на тумбочку. Горн яростно отбивалась, скинув тапки, по-звериному царапаясь сразу четырьмя конечностями. Хрипела она почти осмысленно: "Измажешь! Проститутка! Заразишь! Блядь! Сколько тебе лет?!!" - и крючковатые ногти, похожие на янтарные наросты, драли медицинский халат Моховой.
После ночного укола Горн пролежала неподвижно два дня, чуть ожила и к третьему вечеру потянулась за книжкой. Мохова не мешала ей, лишь иногда приходила в палату и слышала прорывающееся бормотание - Горн монотонно читала книгу.
Около полуночи из палаты снова донесся грохот. История повторилась с той разницей, что Горн еще более окрепла и уже не убегала, а приняла фронтальный бой.
Вскоре Горн лежала, прикрученная ремнями к кровати, и дико ворочала головой, на которой вспухал багровый ушиб. Моховой досталось не меньше, чем лермонтовскому Мцыри от битвы с барсом: на шее, лице, груди, руках кровоточили глубокие царапины. Мохова придирчиво следила за своей внешностью, и раны привели ее в ярость.
Мохова подскочила к кровати и с размаху треснула Горн в челюсть. Кулаком она почувствовала, как крякнул, ломаясь, зубной протез.
Старуха вытолкнула опухшим языком два обломка и вдруг внятно сказала: "Не бей, Лизка!"
Мохова было занесла руку для второго удара... Старуха заворочалась и решительно добавила, членя предложения на рыкающие слова: "Буду. Слушаться. Читай. Книгу. Там. Сила".

Горн рассказала Моховой все, что она поняла о Книге. Мохова не сразу поверила словам Горн, но утерла ей кровь и приложила к ушибу холодный компресс. Весь следующий день Мохова что-то обдумывала, затем вызвалась вне очереди на ночную смену. Санитарка, полагавшаяся Моховой в помощь, была отпущена домой.

Мохова не собиралась читать Книгу сама, рассчитывая, что это еще раз проделает Горн, за которой она приготовилась вести наблюдение. Но ушиб сказался на здоровье Горн: когда действие Силы кончилось, Горн не пришла даже в прежнее вялое состояние полубезумия, а только спала и постанывала.

Усевшись неподалеку от Горн, чтобы следить за ее реакцией, Мохова стала читать вслух. Это оказалось непросто, голос постепенно становился хриплым, внимание улетучивалось. Но Мохова, проучившаяся в училище и вузе, умела зубрить.

К началу ночи Мохова одолела Книгу. В палате царила тишина. Мохова посмотрела на Полину Горн и вздрогнула от неожиданности. Старуха уже сидела на кровати, свесив ноги, похожие на черные ветки.

"Лизка!" - рявкнула Горн, впрочем, вполне миролюбиво, и заметалась по палате от переизбытка силы.

Вдруг остальные старухи стали подниматься. Спина Моховой похолодела. Книга еще не начала действовать на нее. Чтение вслух, направленное не в себя, а наружу, замедлило эффект.

Выскользнув в коридор, Мохова закрыла палату на ключ и приставила к двери стул, чтобы через верхнюю застекленную часть дверной рамы наблюдать за происходящим.

Увиденное было и страшным, и забавным. Старухи совершали чрезвычайно сильные, размашистые движения руками, похожие на самообьятья, ноги выскакивали вперед, точно у сторожевых солдат Мавзолея. На лицах при этом сменялись самые невозможные гримасы. Иногда старухи выпаливали какие-нибудь слова: "Кишечник", "Здоровье", "Трудовые заслуги" - или просто хохотали.

Как и Горн в первую ночь, они называли окружающие их предметы. "Кандаш, Ракандаш! - выкрикивала кудлатая старуха, глядя на шариковую ручку. - Письма делать!"

"Лампонька!" - вопила другая, уставясь в потолок.

Третья скандировала: "Чайникчек! С водичкой теплой!"

Четвертая, схватив будильник, сосредоточенно хрипела: "Хон! Хон! Телехон! Не помню!" - И рычала от ярости: "Времечко!"

Сталкиваясь между собой, старухи пытались знакомиться: "Как фамилия? Анна Кондратьевна! Забыла, что хотела! Сколько лет? А меня зовут Тарасенко! А фамилия?! Крупникова. В общем, хорошее было платье! И питались хорошо! Что вы ели? Ваша фамилия Алимова? Галина! Алимола? Я же сказала, казала, лазала! Зовут Галина? Галила. Далила. Сколько вам лет? Шесть и два рубля. Нет, и три рубля!"

Увидев прильнувшее к дверному стеклу лицо Моховой, старуха с будильником свирепо закричала: "Зеркало!"

Страх покинул Мохову. Она почувствовала Силу. С той секунды Мохова уже думала над тем, как применить открывшееся свойство Книги. Уж конечно, она не собиралась писать сенсационную статью в медицинский журнал.

Мысли ее оборвал тяжелый удар в дверь. Старухи построились живым тараном, намереваясь выйти на свободу.

Мохова не боялась встречи. Она уже знала, что озверевших старух можно усмирить и подчинить. Горн была тому примером. Мохова заранее приготовила дубинку - обрезок высоковольтного кабеля с тяжелой оловянной начинкой проводов.

Дверь сотряс удар. Заскрипели по линолеуму колесики кроватей. Мохова поняла этот тактический замысел, когда вылетело стекло над дверью и в оконном проеме повисла старуха. Панцирная сетка койки отлично выполнила функцию батута и подбросила старуху на два метра вверх. В раме были остатки стекла, и старуха напоролась на них животом. Блея от ярости, она однако же пыталась ползти. Кровь перевернутыми гималаями медленно заливала дверь, и казалось, что старуха пустила красные корни.

Второй десант был послан более удачно. Сначала в разбитом окошке засновала швабра, выбивая осколки. Скрипнула панцирная сетка, в проем влетела новая старуха и полезла вниз по двери в коридор.

Мохова не дала ей выползти и оглушила ударом дубинки. Затем сама открыла дверь и отскочила на несколько метров.

Старухи кубарем выкатились из палаты и окружили Мохову. Горн встала возле двери, показывая, что в схватке не участвует.

Старухи бесновались и выли, но не решались напасть. Каждую, кто скалился как перед прыжком, ожидал тяжелый удар дубинки. Наконец, старуха по фамилии Резникова взяла на себя лидерство.

Выступив вперед, она шваброй отбила удар. Подняла руку, призывая к тишине. Мохова не торопилась и дала ей высказаться. Послышалось какое-то подобие речи: "Тут, во-первых, первым делом! Нужно делать! Так же, как и у вас, в тот раз! Сегодня я делала, как называется, забыла! Я сегодня очень плохо делала!"

Старухи одобрительно зашумели в ответ на эту галиматью, только Полина Горн насмешливо спросила: "Резникова, ты замужем?"

"Пятый год!" - огрызнулась та, потом свирепо обернулась к Моховой, вскинув швабру.

Свистнул тяжелый кабель, и на стену изо рта Резниковой плеснуло бурой дрянью. Мохова повторно замахнулась, и старухи, недовольно поскуливая, поплелись в палату.

Усмирение обошлось малыми жертвами: у Резниковой была сломана челюсть; старуха, застрявшая на стеклах в дверном оконце, получила глубокие порезы на животе. Их перенесли на кровати, и Мохова оказала раненым первую помощь.

Вскоре действие Книги исчерпалось, и старухи, словно механические куклы, в которых закончился завод, попадали там, где стояли.

Мохова перетащила тела в палату и уложила в койки, отмыла от крови дверь и подмела стекла...

Второе коллективное прочтение уже не сопровождалось вспышками агрессии против Моховой. Старухи полностью покорились ей, и во многом это была заслуга Горн, воздействующей на товарок и уговором, и дубинкой, которую Мохова лично передала ей, наделяя местной властью. К Полине Горн не вернулась прежняя болтливость, ум ее стал рациональным, а мысли лаконичны.

По совету Горн Мохова всю неделю проводила новые чтения в разных палатах. Для подавления возможных очагов бунта на чтениях присутствовала сама Горн и с десяток укрощенных старух.

Дружина росла с каждым дежурством Моховой. Книга действовала на дряхлые организмы благотворно. В обычном состоянии старухи, конечно, не обладали и сотой частью той силы, которую им давала Книга, но ум пребывал в относительной ясности.

Чудесный эффект Книги они частично перенесли на Мохову. Они были старые, одинокие, позабытые собственными детьми, и в сердцах их теплилось нерастраченное материнство. Но не крикливо повелевающее, а жертвенное.

Горн уловила эти настроения в среде старух.

В ближайшую ночь Мохова была наречена "дочей", а старухи назвались "мамками". Горн тщательно продумала ритуал удочерения. Он был не особенно приятен и гигиеничен, с точки зрения Моховой, но Горн уговорила ее послушаться.

Каждая старуха мазнула Мохову по лицу своими влагалищными выделениями, как бы символизируя этим, что Мохова появилась на свет через ее утробу, и поклялась оберегать "дочу" до последнего вздоха.

Ритуал прошли шестьдесят старух. Два новообращенных десятка следили за ними, беснуясь и рыкая, - их тем временем усмиряли надсмотрщицы, вбивая подзатыльниками мысль, что наибольшее счастье, которое им может выпасть, - это вскоре стать "мамкой".

В ту же ночь Горн сказала Моховой: "Персонал! Убрать!" - и провела ладонью под горлом, имитируя ход мясницкого ножа.

Пришла пора действовать решительно. Кто-то настучал директору о ночном шуме, разбитых стеклах и синяках. Было очевидно, эти ЧП происходили в смену Моховой, и ей могли грозить серьезнейшие неприятности. Для операции у Моховой была верная Горн и дружина общим числом около восьмидесяти старух.

Мохова сообщила директору Аванесову, что собирается провести в выходные в женском отделении развлекательное чтение, по ее мнению, необходимое старым пациенткам. Аванесов не возражал.

В одиннадцать часов дня женская половина дома престарелых пришла в движение. В коридорах стоял непрекращающийся скрип перекатываемых коек. Ходячие старухи везли лежачих подруг к месту общего сбора.

Мохова уже приобрела опыт внятного скорочтения и уложилась в рекордные сроки. С верхнего мужского этажа несколько раз спускались любопытные медсестры. Им отвечали, что обо всем договорено с начальством. Так или иначе, Мохова выиграла три часа. И когда дежурная медсестра позвонила директору домой и доложила о столпотворении, устроенном Моховой, было поздно.

Аванесов подъехал к заключительным страницам. Он коротко приказал развести пациенток по палатам. Мохова только возвысила голос. Аванесов повторил приказ - и снова безрезультатно. Он пригрозил Моховой увольнением за творящийся произвол. На его крики сбежались медсестры и санитарки. Взявшись за спинки кроватей, они покатили старух в палаты. Видя, что Мохова не реагирует на его слова, директор направился к ней. И тут Мохова выкрикнула: "Конец!", - и захлопнула Книгу.

В ту же секунду старуха Степанида Фетисова выхватила из вены своей соседки Ирины Шостак подведенную капельницу и ловко набросила эту импровизированную удавку Аванесову на шею. Лишившись притока лекарства, Шостак впала в кому, из которой вышла спустя минуту, после того как подействовала Книга.

Восставших было не остановить. Началась бойня, и задушенный капельницей Аванесов стал первой жертвой.

Армия Моховой получила боевое крещение по месту жительства. Для расправы достались четыре медсестры, пять санитарок, три поварихи, две посудомойки-раздатчицы, завхоз, сторож, он же по совместительству электрик и сантехник, и все пациенты мужского отделения, общим числом до пятидесяти.

Полностью роман "Библиотекарь" вышел в издательстве Ad Marginem летом этого года.

RESTART

SORRY THIS FILE IS TOOOOOOOOOO BIG.

Neo RAUCH

"Malen ist für mich die Fortsetzung eines Traums mit anderen Mitteln"*

*"ЖИВОПИСЬ ДЛЯ МЕНЯ – ЭТО ПРОДОЛЖЕНИЕ СНА ДРУГИМИ СРЕДСТВАМИ", – ГОВОРИТ ГЕНИАЛЬНЫЙ НЕО РАУХ. МЫ НЕ ЗНАЕМ, ПОЧЕМУ ЕГО РАБОТЫ ДО СИХ ПОР НЕ ВНЕСЕНЫ В ПЕРЕЧЕНЬ ЗАПРЕЩЕННЫХ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ.

Das Manifest

Однажды кто-то сказал мне, что, не зная этого заранее, едва ли можно предположить, где и когда появились на свет мои картины. И я не хочу скрывать, насколько мне было приятно услышать подобное заявление.

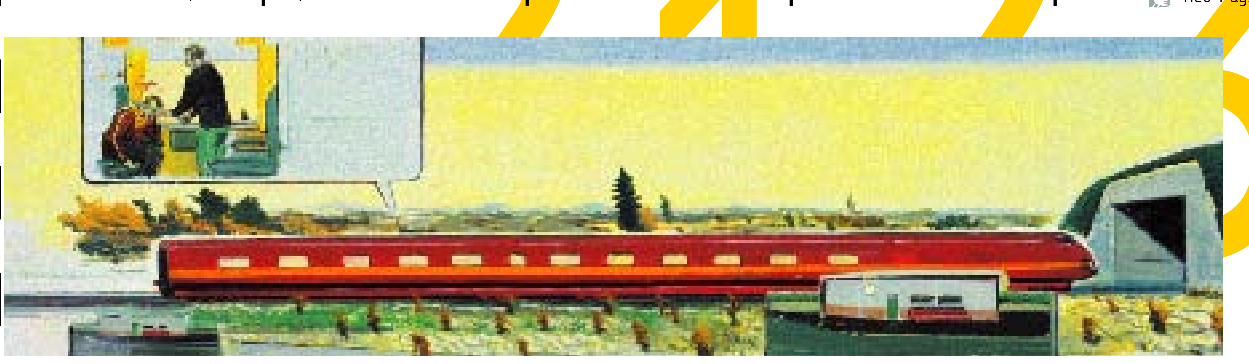
Одни обнаруживают в моих работах влияние Америки. Другие видят приметы Дальнего Востока. И только простодушный коллега, живущий в деревне по соседству, распознает в них сельские пейзажи, открывающиеся за его окном.
По-своему, все они правы, потому что мой творческий арсенал прочно выстроен таким образом, что способен впитывать в себя элементы любого рода, как угодно соотносящиеся друг с другом. Сталкиваясь с картинами, какими я хотел бы их видеть, зритель чувствует себя в растерянности. Они заставляют зрителя перестать действовать разумно и предлагают ему возможность сойти с рельсов здравого смысла.
Одна из обязанностей автора - со всей ответственностью создавать свой художественный лексикон. И я полагаю, что сокращение этого аппарата до одних лишь новаторских и прогрессивных элементов едва ли можно считать правильным.
В живописи для меня самыми важными качествами являются своеобразие, сила внушения и вневременность; слово Zeitgeist (дух времени) звучит для меня как ружейный залп во время казни.
Картина, в которой присутствует дух времени, прикасается к открытым язвам, тогда как вневременное искусство способно избавить нас от банальности и причиняет скорее легкую фантомную боль, вызываемую некими ранами-архетипами. Всякий раз, когда я стою перед чистым холстом, я в то же самое время стою перед берегом реки, скрытым туманом. Прежде, чем бесстрашно вступить в неизведанные доселе области, я должен ответить на вопрос: что ждет меня впереди, и какие приспособления понадобятся мне, чтобы достойно справиться с этим путешествием.

В сущности, огромный риск гарантирован каждому, кто сталкивается с ситуацией, когда надо показать свой истинный класс. К своему огромному удивлению, я замечаю, что молодое поколение художников окопалось в траншеях 1950-х, заявляя, что лишь тот, в чьих руках оружие абстракции, проявляет истинную храбрость перед лицом туманных берегов.

Казалось, война между фигуративной и абстрактной живописью давно отгремела. Ее последними отголосками были стычки между "воскресными" живописцами, торгующими своими картинами на аллеях. И меня выводит из себя тот факт, что сейчас она опять затронула художественные классы восточной части Германии. Я ставлю вопрос о рискованном поведении совсем не так, как это делалось покойными автократами от абстракции.
С содроганием одно за другим я открываю зараженные помещения и вынимаю оттуда разнообразный материал для временного хранения на холстах моих картин.
Я вывожу наружу испуганных работников, содержащихся в бараках на карантине, и предлагаю им расположиться в моих мрачных залах, наполненных туманом. Я забочусь об их комфорте, добавляя туда различные культурные элементы. И проделывая все это, я знаю, что с замиранием и удовольствием продвигаюсь по узкой тропе; узкой тропе, на которой я могу потерять равновесие, скатившись в сторону нелепости, безвредности и неловкости. Поэтому я работаю в пограничных зонах, занимаясь этим по-своему. Здесь можно добавить, что мастерской художника всегда надлежит располагаться на окраине.
Я отдаю себе отчет в том, что мои картины тоже порой шатаются в упомянутые выше стороны, и что названия этих сторон должны быть включены в описания картин. Но пусть те, кто халтурит на безопасных участках эры позднего модерна, покажут, где рискуют они.

Нео Раух

по часовой стрелке: пейзаж с радиобашней (Landschaft mit Sendeturm);шкала(Scala);уборка(Abraum); их время ушло(Das geht alles von Ihrer Zeit ab)

На вопрос о том, что представляет собой феномен "новой лейпцигской школы", Георг Базелиц ответил: "Просто ребята не знали, что живопись умерла. Им забыли сказать". Базелица, конечно, можно понять - он боролся с живописью в старом смысле этого слова всю свою сознательную жизнь... И что в результате? Да ничего. Переписал недавно свои собственные старые картины, на прошлогодней выставке в мюнхенской Пинакотеке модерна они занимали чуть ли не половину второго этажа.
Выставка называлась "Remix", картины в основном переписаны один к одному, ну, может быть, кое-где краски стали ярче, где-то что-то четче подрисовано, усики, скажем, у одного пса, а то раньше было не всем понятно...
Машинально побродив среди размазанных Базелицем по стенке кадавров, я вышел в круглый коридор и вдруг увидел на стене картину Нео Рауха. И что-то почувствовал, ей-богу, легкий озноб...
Глупо, конечно, петь дифирамбы художнику, очереди на картины которого выстраиваются на пять лет вперед, а цены поднимаются до шестизначных чисел (которые иногда стремятся к семизначным). По-моему, Нео Раух - это и есть "новая лейпцигская школа", во всяком случае, самое интересное, что в ней есть. После того как словосочетание превратилось в сверхмодный бренд на рынке современного искусства, число "лейпцигских художников" стало стремительно расти.
Мартин Вайшер, Йоханнес Типельман, Давид Шнель, Мартин Кобе, Тим Айтель, Тило Баумгэртель, Кристоф Рукхэберле,

*В названиях работ Нео Рауха часто используется многозначность и игра слов, так что перевод названий стоит считать приблизительным (см. немецкий оригинал).

Катерина Иммекус, Роза Лой и многие, и многие другие... А потом этот список стал включать в себя и не только лейпцигских, что привело к появлению лейбла YGA - Young german artists. То есть теперь уже не обязательно родиться и жить в Лейпциге, чтобы все, написанное тобой, уходило с молотка. Но и недостаточно быть просто "молодым немецким художником" - сколько их, не продающих годами ни одной картины или продающих по смешным ценам. Но если ты причислен критиками-кураторами к "новой лейпцигской школе" или к YGA, можно не сомневаться, что картины с руками оторвут, и цены взлетят за год на два порядка. Сам Раух, недоумевая, повторяет: "Тут что-то не то... Все картины разлетаются прежде, чем успевают высохнуть краски... Что-то тут..." И это недоумение, чем-то похожее на страх, вызывает некоторое сочувствие. Если не умиление...

Рауху 47 лет, живет он по-прежнему в Лейпциге, мастерская, по крайней мере еще три года назад, была у него в знаменитой Spinnerei - прядильной фабрике, которая давно уже не работает, все цеха заняли ателье и "лофты" художников. "Spinnen", к слову сказать, - не только "прясть", но и "сходить с ума", "рассказывать небылицы". Кирпичные дома, сложенные как будто бы без раствора - кирпич к кирпичу... Рельсы, ведущие в никуда... Делающие зигзаг и вдруг обрывающиеся прямо у тебя под ногами... Раух удивляется тому, как из статьи в статью повторяется одно и то же - все видят в его работах бесконечные "гэдээровские мотивы", хотя, с его точки зрения, в этих полотнах гораздо больше США, чем ГДР. То есть Америки 60-х годов. И все это ближе к комиксам, чем к социалистическим плакатам. Ну и конечно, к "занятиям алхимией", куда же без этого...

Впервые я оказался если еще не в самой картине Нео Рауха, то в непосредственной близости от нее году в 98-м. Это была первая его персональная выставка такого масштаба - он занял тогда почти весь Haus der Kunst. На больших полотнах были тучные анемичные мальчики в семейных трусах и со школьными указками. Иногда - рабочие каких-то странных заправочных станций, в комбинезонах или скафандрах, к анусам которых были проведены толстые шланги. Вообще много было шлангов, мотков проводов, кассиры сидели за старыми кассовыми аппаратами, такими же точно, как были в Союзе. В бюро стояли не персональные компьютеры, а древние арифмометры. То, что я видел впоследствии, часто было значительно ярче и палитрой не меньше, чем композицией, напоминало картины Магритта, де Кирико, Эрнста, но тогда, на первой выставке в Haus der Kunst, краски были другими, куда более блеклыми. И, глядя на пространство вокруг огромных бледно-бордовых мальчиков, я вспомнил слова Брехта: "В этой стране краски такие, что алкоголь здесь должны были бы не продавать, а давать бесплатно"...

Лето 2006-го. Выставка "Zurueck zur Figur!", то есть "Назад к фигуре!". Сто картин, написанных в XXI веке. Такое было условие - все работы должны быть написаны в XXI веке, и обязательно масло, холст. Ну и на каждой должен быть непременно homo sapiens. Глядя на чью-то картину, где изображено как будто искаженное фотошопом лицо (хотя это холст, масло - все как полагается), я вспомнил радостную статью о том, как в 90-х годах казалось, что не только живописи уже нет, но вот-вот наступит окончательная дигитализация, и весь мир будет состоять из пикселей... Как вдруг явился Нео Раух! Провозвестник возвращения живописи!

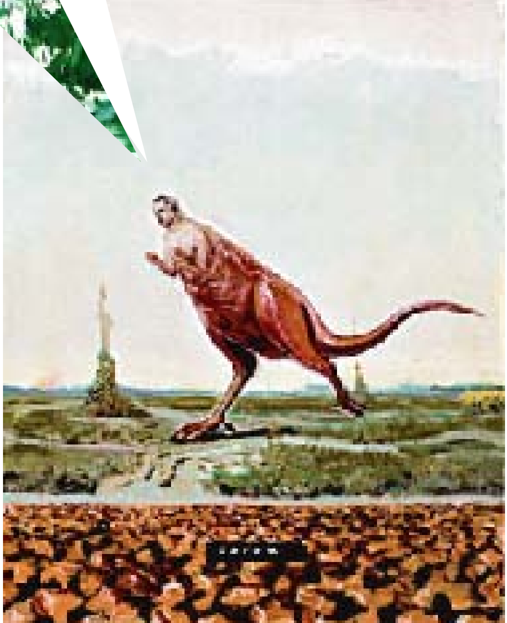

по часовой стрелке: коринфский ордер (Korinthische Ordnung); болото (Moor); предписание (Bestimmung)

по часовой стрелке: замкнутый круг(Runde); pempo(Orter); предшественник (Vorganger); предписание (Bestimmung); сверка часов(Uhrenvergleich); ночная буря(Sturmnacht)

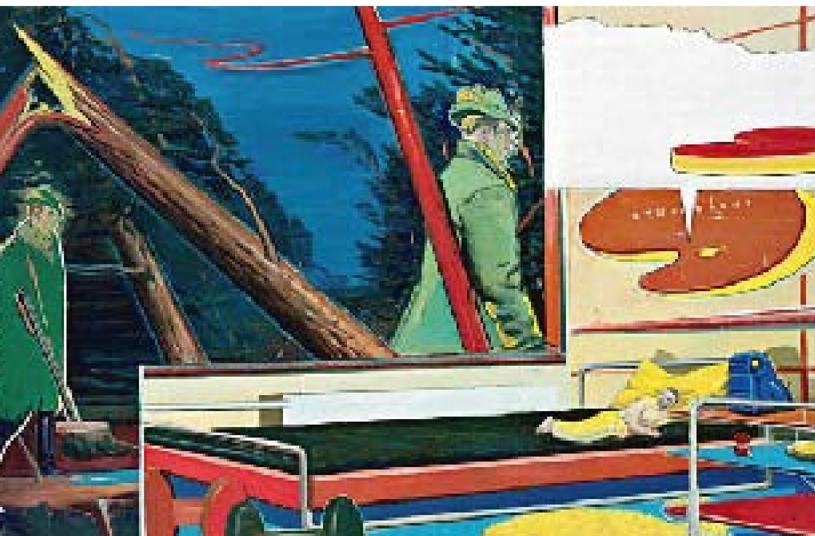
В одном из интервью Нео Раух говорит о том, что иногда видит это пространство, эти коридоры во сне, и что на самом деле верит, что однажды окажется там в буквальном смысле. Ну да, старый

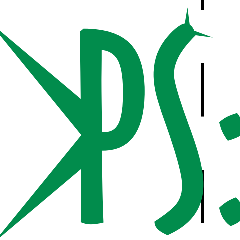

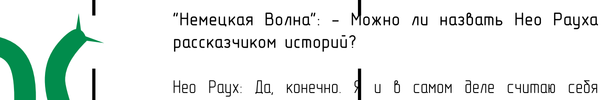
китайский сюжет: художник, который переселяется в свою картину. Отсюда это ощущение… как бы озноба, которое сопровождает и зрителя, и самого художника. Раух говорил, что мир в этих картинах схвачен как бы в состоянии озноба, как при несильно повышенной температуре.
И очень даже может быть, что живопись после живописи существует и даже может быть при этом живой, раз у нее все теперь снова как у людей - и температура, и фигура.

Александр Мильштейн
фрагменты из статьи для www.vz.ru

"Немецкая Волна": – Можно ли назвать Нео Рауха рассказчиком историй?

Нео Раух: Да, конечно. Я и в самом деле считаю себя рассказчиком. Мои картины – это четко выстроенные повествования, и для меня они очень понятны. Когда я стою перед своими картинами, мне в них все абсолютно ясно. Иногда я даже задаюсь вопросом: может, они немного ЧЕРЕСЧУР понятны? Может, я должен вернуться назад в свою раковину? Но когда я сталкиваюсь с реакциями других людей, это

восстание (Aufstand); стой (Halt); конец:академия в лесу (Ende:Akademie im Wald)

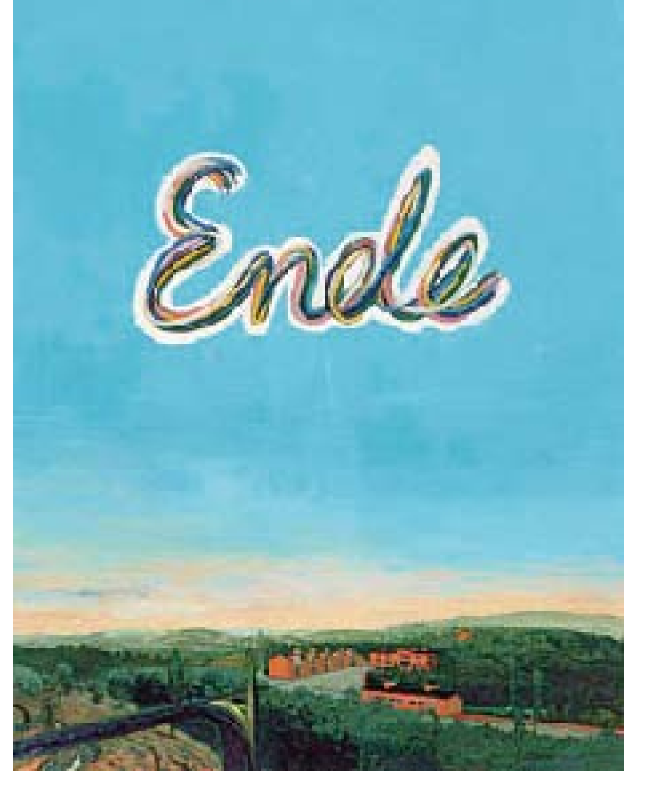

возвращает меня обратно к действительности. Естественно, прочесть мои работы не столь просто, как мне это кажется. Но я все же верю, что до определенной степени они поддаются интерпретации, хотя в них всегда остается часть, которую нельзя назвать или объяснить, что очень важно для произведения искусства.

Однажды, описывая процесс создания картины, вы сказали, что "стоите перед холстом, как будто перед берегом, скрытым туманом". Что происходит потом?

Да, у меня действительно есть такое ощущение. Ты – инструмент в руках чего-то иного. Словно что-то использует меня в своей работе. Можно сказать, что я пропускаю мир сквозь себя. Он собирается на кончике моей кисти и появляется заново в преобразованной форме. Но это случается далеко не каждый день. Возможно, лучше всего описать этот процесс как игру в шахматы с самим собой. Отправная точка совершенно ясна. Прежде, чем я смогу начать, мне необходимо рассмотреть различные варианты; мне необходимо решить, каким будет основное созвездие, основное сочетание фигур. И как только это становится понятно, я могу начинать. С этого момента я действительно всего лишь художник. Я просто выступаю в роли режиссера-сомнамбулы в своем собственном театре. Это почти так, как если бы ты находился под действием какого-то наркотика.

с глубокой благодарностью **александру мильштейну**, без которого...

прописи

(THE REAL) TUESDAY WELD
Концерт в Москве и случайное интервью
со Стивеном Коутсом

71 Искусство конспектирования сновидений 79

Ретро в принципе бывает разным - хотя, в большинстве случаев, попахивает экстатической театральщиной. Утонченное музыкальное ностальжи с нафталиновой колокольчиковой эстетикой всегда звучит против шерсти - ненатуральное, джеймсбондовское, подчеркнуто черно-белое, с обязательным привкусом салонного джаза. В случае с (The Real) Tuesday Weld всё переворачивается с ног на голову - их футуристическое ретро ушло намного дальше заоблачного оркестра Мещерина и богемствующих нео-свингеров: кажется, будто весь этот бонусный переливчатый машинный скрежет, извлекаемый ими из удивительных вычислительных машин, изобретен безумными профессорами в экспериментальные 30-е. Даже солнечные очки Стивена Коутса, заводилы этого астенического театра теней, делают его похожим не на военного летчика с бабушкиной литографии, а на боевую муху-цокотуху, нашедшую на блошином рынке сотню евро и эйфорически затарившуюся винтажным барахлом. В этих дурашливых окулярах Стивен выглядит лучезарным приветом из неземного будущего, где завоеватели Марса смотрят на пылевые красные бури, чуть приподняв такие вот неоновые, переливающиеся нефтяными пленками, окологлазные забрала. Когда он выходит на сцену *(этот апрельский концерт - уже второй приезд группы в Москву, но зрители, даже посвященные, таращатся взволнованными неофитами)*, неряшливо-расслабленный, одетый с иголочки *(пиджак, брюки, надменная кривая ухмылочка)*, все раскладывают подушки, разбросанные по клубу, и валятся на пол: сейчас нам покажут кино, а волшебник - а вот он, *прилетел.*

Несмотря на то, что (The Real) Tuesday Weld исполняют музыку изящно потрепанную, нарочито потертую и чуть-чуть "севшую", как пиджачок сэконд-хэнд с чужого костлявого плеча, в них нет ничего театрального. Полутьма, тихое шаркание Стивена, переключающего таинственные рукоятки звукового роботика, который превращает старые мелодии в кукольно повизгивающие сэмплы, сдержанная манера остальных музыкантов группы, неторопливо выдающих легкий психо-свинг - плюс астральные проекции чего-душа-пожелает на огромном экране превращают действие в музыкальный видео-арт. Никакого кабаре и намеренного фрик-шоу - оркестр имени *(настоящей!)* Тьюздей Велд пытается исполнять исключительно музыку, nothing more *(при этом наверняка работая в жанре саундтрека к сожженной еще во время Первой мировой мифической кинолаборатории)*. Как ни странно, музыки как таковой в этом практически нет - тихий стрекот кинопленки, трогательно-клезмерские вензелеватые соло на кларнете, вывернутый наизнанку сновидческий свинг, заглушаемый электронным шелестом, щелчками и нарративными текстами-мелодиями, звучащими откуда-то издалека: будто они не играют, а транслируют что-то практически потустороннее. Впрочем, Стивен всегда хотел записывать песни так, чтобы они "звучали, будто за стенкой играет музыка": именно так он слушал музыку в детстве, сквозь трухлявые стены фамильного особняка, в котором его героический джазовый дедушка - мертвый ли, живой ли? - выписывал чечетку под надсадный крошащийся шепот патефона. Ну, и с вами ведь бывало такое - крутите, бывало, темной ночью рукоятку радио, желая подслушать голоса погибших летчиков-истребителей - и вот, ура, сквозь белый шум доносится какой-то дивный музыкальный дождик, и почти наверняка это похоже на (The Real) Tuesday Weld.

рис маша краснова-шабаева

Возвышенной трухлявости в них нет - группа всегда звучала современно новой музыкой; правда, из альтернативной реальности. Так, будто бы не было ни 60-х, ни 70-х, ни 90-х. Хорошо, 80-е были - у них есть великолепный кавер "Аббы", но звучащий так, будто шведский квартет забальзамировали еще в 20-е, откуда они и звучат тихеньким оскаруайльдовским театриком теней.

На сцене вид у Стивена прямо-таки зверский. "Ну ты посмотри, он такой бандит, оказывается!" - влюбленно хохочет кто-то из толпы. Мнилось, что за сценой Стивен, разумеется, издевается над своими музыкантами - такой у них отстраненно-циничный вид *(возможно, он хлестал их плетью в гримерке?)*. Зубастая питерпэновская улыбка Коутса, цедящего сквозь зубной частокол своё безразличное: "Stay! Keep moving!" вдруг становится фундаментом для открытия - черт подери, это же повзрослевший герой стенликубриковского "Заводного апельсина!". Он уцелел, не попался, не участвовал в прекрасном эксперименте, славно продолжал измываться над старушками под незаживающую музыку Людвига Вана; а потом и сам сообразил что-то подобное, так-сяк склепал оркестрик из уличных забулдыг, подобранных по лондонским барам. В любом случае, это настоящий дэнди - Стивен ужасающе красив и обаятелен, а зрители, наверняка, рядом с ним и чувствуют себя пресловутой нафталиновой молью из прабабушкиного сундучка. Впрочем, не менее жгуче смотрелся кларнетист Жак Ван Рейн *(утверждается, что он пра-пра-правнук Рембрандта)* и басист Дон Броснан, один-в-один похожий на Моррисси. Иногда даже казалось, что сам Моз подыгрывает дурашливому Стивену и мрачно бросает на него укоризненные взгляды из-под челки. Происходящее неумолимо напоминало передачу "Спокойной ночи, малыши" с Юнгом и Фрейдом в качестве Фили и Степашки. Дети, это вам кажется. Дети, всего этого нет.

Когда разговариваешь со Стивеном, замечаешь, что он - какой-то человек-ручеёк: милый, игривый, искренний, течет сквозь пальцы, прозрачный и непостижимый. Мы стоим около гримерки еще до того, как случился концерт, и Стивен пытается понять, каким таким образом они будут работать на сцене вместе с Джимом Авиньоном *(см. НАШ №3/2003)* - ведь им пообещали совместное выступление!

"Знаешь, - говорит Стивен, - Вообще это всё очень странно - ведь у нас с Джимом есть общий друг, Алекс Будовский, потрясающий художник-аниматор. Он делал видеоролики на мои песни и на песни Neoangin. Разумеется, я все это видел - но на сцене Джима не видел никогда, а вчера, когда попал на его концерт, полностью офигел. Мне действительно понравилось! Но сделать что-то вместе на сцене - гм, меня это застало врасплох. Я не знаю, что точно произойдет. Но я уверен, что произойдет что-то безумно интересное. В общем, на месте разберемся".

- Вам нравится сотрудничать с другими музыкантами? И собственно, группа - это личный проект Стивена Коутса или все-таки ваша совместная вещь? И вот когда вы записывались с Мартином Жаком из Tiger Lillies...

- Э нет, Мартин - это другое, он мой старинный товарищ! А остальные участники Tuesday Weld - это музыканты, у которых собственные проекты, своя какая-то творческая жизнь в том числе. Мы друзья, конечно - но в том числе еще и сотрудники, и это в данном случае важнее.

- Меня давно забавляет методика вашего вдохновения. Получается как бы искусство, которое берется не из жизни непосредственно, а из другого искусства. В смысле, такое впечатление, что все ваши песни - они вдохновлены книжками, которые вы прочитали, фильмами, историями какими-то. Получается не то чтобы надуманно, но как-то по-трогательному стерильно - в песнях выражаются эмоции не от пережитого, а от прочитанного, например.

- Абсолютно так, да. По-моему, это неплохо. Действительно, меня вдохновляют в основном книги, чужие жизнеописания, рассказы, фильмы. Альбом "Я, Люцифер", как вы знаете, наверное - по книжке одноименной моего друга Глена Дункана. И еще мифология, конечно же. И сказки, сказки! Я вообще очень впечатлительный в этом смысле.

- Можете вспомнить последний объект искусства, который вас целиком захватил?

- Я не знаю, в курсе ли вы - но вот как раз недавно мы записывали саундтрек к немому фильму сороковых годов. Проект называется "Dreams That Money Can Buy". Последние два года мы над этим очень усиленно работали. Это великолепный, пускай и достаточно сложный для восприятия, сюрреалистический арт-фильм режиссера Ханса Рихтера *(вставные фильмы-сны для этой необычной ленты сняли по просьбе Рихтера его друзья-художники: Макс Эрнст, Мэн Рэй, Марсель Дюшан и др. - прим.ред.)*. Там сюжет о том, как сны смешиваются с реальностью, создавая особый, запутанный контекст; этого режиссера даже Дэвид Линч упоминал в качестве основных влияний на свои сновидческие работы типа "Шоссе в никуда". Мы записывали вообще всю звуковую дорожку, не только музыку к фильму или песенки там какие-то - вообще весь саунд фильма; это даже не музыкальная работа, а отдельный какой-то вид искусства, который очень вдохновляет.

- А что еще вас вдохновляет, кроме фильмов и книг?

- Сны, разумеется. Вообще, во всем, что я делаю, я больше всего вдохновляюсь снами. Каждый день я просыпаюсь и записываю свои сны - у меня специальная тетрадочка есть.

- Хотя да, и название группы ведь таким образом появилось.

- Да-да-да, я всем всегда про это рассказываю. Более того - даже само решение заниматься музыкой мне тоже было подсказано во сне! Одновременно с этой историей про Тьюздей Велд *(название группы явилось Стивену после сна с участием "первой английской поп-звезды", певца Эла Боули и американской киноактрисы Тьюздей Велд, популярной в 1950-е; Стивен назвал группу "(Настоящая) Тьюздей Велд" исключительно из-за того, чтобы впоследствии его группу и актрису не путали энциклопедисты необозримого будущего - прим. Т.З.)*.

- Читая описание этого чудесного сна про встречу двух знаменитостей из прошлого, я порадовалась детализации сюжета. Дорогой Стивен, поделись, пожалуйста, методикой - как запоминать собственные сны?

- Ну, надо приучить себя записывать их каждый божий день; потом сознание уже начнет как-то автоматически себя настраивать на запоминание. Причем первое время, когда я только начал всерьез этим увлекаться, вести эти "дневники снов", я заметил, что полезно концентрироваться на полузабытых, зыбких каких-то деталях, изо всех сил вспоминать какие-то мелочи случайные - а вот потом сознание уже как-то лучше за них цепляется. Потом я понял - чем больше ты записываешь, тем лучше ты потом эти сны вспоминаешь! Со временем я вообще запоминал всё в таких красочных деталях, что даже как-то страшно было. И еще одно правило - относись к этому серьезно. Никакого откладывания "на потом"! Когда просыпаешься, надо чувствовать себя очень ответственно и сконцентрированно - если ты скажешь "а, я еще поваляюсь в постели, а сон запишу чуть попозже, все равно я его помню" - можешь серьезно обломаться потом - сны забываются очень, очень быстро, если их хотя бы минимально не зафиксировать.

- Какова ваша личная теория снов? Откуда они берутся и что, как правило, обозначают?

- В общем, ммммм, я думаю, что сны абсолютно ничего не значат.

- Ну привет!

- Стоп-стоп! Но они иногда могут быть такими красивыми, такими вдохновляющими! Такими значительными! То есть с точки зрения искусства это прекрасно, с точки зрения психологии - вряд ли у них какая-то особенная ценность. Просто иногда - вот смотри - тебе снится что-то, напрямую связанное с тем, как ты провел день, какие-то перемолотые в кашу, переработанные впечатления, мусор подсознания. А иногда тебя что-то тревожит, и тебе снятся неуютные ужасы на эту тему. Это просто переработка впечатлений, и это надо отфильтровывать. Важными мне представляются сны, которые указывают на то, какие у тебя в целом взаимоотношения с миром, со Вселенной, над-личностные какие-то сновидения. Вот это действительно может что-то значить. Ну и, разумеется, я верю в то, что некоторые сны вообще - своего рода знамения. С другой стороны, вообще что угодно может быть знамением.

- Стивен, а кошмары в эту тетрадочку тоже попадают?

Разумеется!

- А какой самый страшный, можно рассказать?

Ну, эээ, гм.

- Ну, такой, который постоянно возвращается!

А, навязчивый кошмар! Круто, да! *(замолкает)*

- Ох. Это что-то личное?

(Очень бегло и радостно) Да нет, я просто пытаюсь вспомнить, сконцентрироваться и выбрать самый жуткий. Вот, наверное, расскажу тот, который напрямик идет из детства, да и сниться он мне начал в детстве, когда я жил в огромном доме. Наверное, сны, связанные с нахождением в одиночестве в гигантском пустом доме снятся многим, и почему-то именно в детстве. В общем, сюжет такой: я один дома, огромные комнаты всюду, коридоры, и я сижу и смотрю в окно. И мне как-то очень неуютно. Я вижу, что в саду стоит человек, одетый по моде 20-х годов. Такой, как в фильмах, черно-белый, немного размытый. Просто фигура. Он в шляпе и в белом пиджаке. Он подходит к двери, и я чувствую, что он вот сейчас войдет, несмотря на то, что дверь закрыта. И тут я понимаю - вот, он уже внутри дома, он вошел. И я просыпаюсь от собственного крика. Ха-ха-ха, такой вот сон.

- У вас очень ярко выражена любовь к старым вещам - это наблюдается только в музыке или в жизни тоже?

- Мой дом похож на музей. Нет, на лавку старьевщика. Там все забито старинными вещами, дурацким трогательным антиквариатом, чудесными находками. Я чувствую себя так, будто живу прямо на блошином рынке, честно. Музыкальных вещей там тоже хватает - огромные старые магнитофоны-"бобинники", старинные патефоны и пластинки на 78 оборотов, грамофоны-фонографы, всевозможная шуршащая-скрежещущая аппаратура из прошлого. Транзисторы, радиоприемники. Я обожаю радиоприемники старинные, у меня их очень много.

- И это все используется в музыке (TR)TW?

- Раньше - да, кое-что использовалось. Однако, работая над новым альбомом - он выйдет в начале осени-2007 - я понял, что мне интересно использовать немножко другой метод, не привычные ретро-технологии, а что-то более непосредственное. Я стал больше интересоваться природой - в смысле, звуками естественной среды. Поэтому подход к творчеству сильно изменился - как именно, вы услышите, уже когда все будет готово. Но всякое старье я жутко люблю, независимо от того, выражается это в музыке или нет.

- Можно еще поподробнее о новом альбоме? Там тоже, как в прошлом, какая-то история рассказывается?

- История - ну конечно же. На этот раз это своего рода цикл жизненный, но в урбанистически-историческом контексте какого-то определенного места - где кто-то рождается, живет и умирает. Непременно умирает. И это нормально - природа, жизнь, всё мило и естественно. Альбом получился гораздо более личным, чем предыдущие, между прочим - потому что меня лично вдруг начали сильно интересовать все эти вещи, связанные с жизнью и смертью.

- Какую музыку вы слушаете в последнее время?

Слушаю много странных вещей, всякий старый джаз в том числе. Очень нравится английский нео-классицизм, вообще вся современная классика с примесью электронной музыки - в духе Стива Райха. Слушаю огромное количество саундтреков к старым фильмам - просто магическая вещь какая-то.

- Современная поп-музыка вас не интересует, как я понимаю?

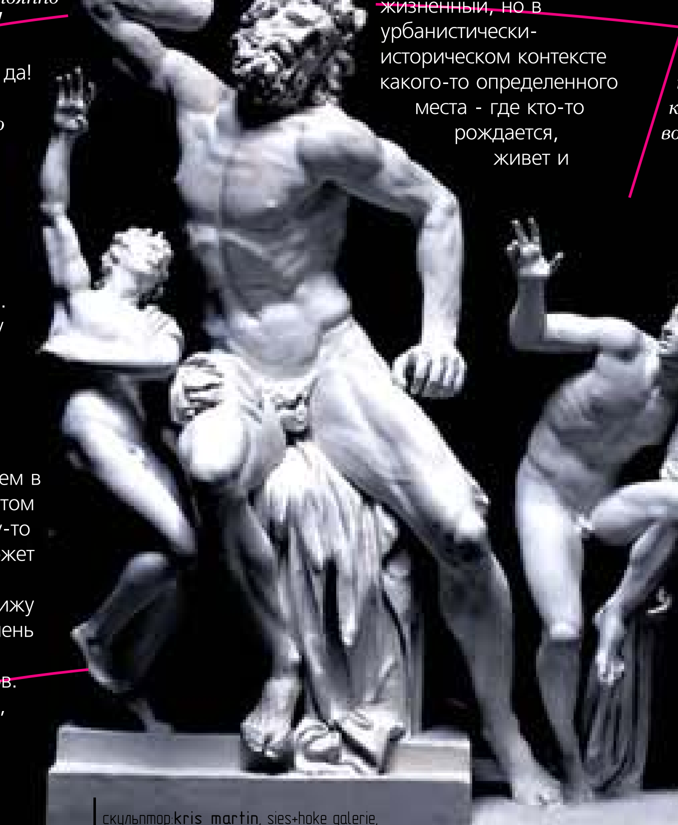
- Не очень. Я верю, что там отличная музыка попадается, но оно мимо меня проходит - да я и радио не слушаю, в принципе.... В рок-музыку я вообще не врубаюсь, меня в ней пугает такой... накал страстей, что ли.

- Вы слушаете ту музыку, на которой воспитывались?

- В принципе, да - это музыка 1920-х и 30-х. Почему-то она даже не кажется мне старомодной. Мой дедушка слушал эту музыку все мое детство, при этом он играл в танцевальной около-джазовой группе. Я даже в детстве поп-музыку не очень любил, а музыка 60-х казалась мне каким-то easy-listening'ом.

- Каким вы представляете себе вашего идеального слушателя?

- Мне нравится образ человека, сидящего за столиком, читающего книгу и постукивающего ногой в такт звучащей музыке. И чтобы он чувствовал себя частью какой-то истории, какого-то романа или рассказа. Чтобы это личная история удивительным образом переплеталась с тем, о чем поется в музыке. В этом должна быть какая-то перекрещивающаяся повествовательность, нарративность. Мой слушатель (и герой

скульптор kris martin, sies+hoke galerie, dusseldorf

фото:александр кадников<kadnik67@mail.ru>

тоже) - человек-персонаж, человек с историей. Я люблю рассказывать людям истории - видимо, это мой любимый жанр.

- А в литературном творчестве вы себя не пробовали?

- Пишу ли я литературу? Ну да, я в своем блоге что-то такое пытаюсь. Не читала? Посмотри на http://theclerkenwellkid.blogspot.com/ Там еще подкасты и собственно тексты, какие-то эссе.

- Свойственна ли вам ностальгия? Судя по музыке, она должна быть просто убийственной!

- Я ностальгичен, но странной какой-то ностальгией, с двойным дном. Лондон для меня - город историй, я буквально утопаю в них. Я иду по улицам и погружаюсь в то, что происходило тут в прошлом, когда меня еще не было. Я думаю - вот, тут кто-то кого-то целовал, а тут кто-то наверняка умирал или рождался; меня просто насквозь пронизывает это все, магия мест, память пространства и архитектуры - вот на этой улице кто-то с кем-то расстался навсегда, а тут за углом кто-то кого-то случайно встретил - и понеслось! Но это призрачная ностальгия такая, по-моему. Новый альбом немного будет про это *(как впоследствии выяснилось, альбом назвали "Лондонская книга мертвых" - прим. Т.З.).*

- Вопрос от журнала "НАШ", заданный во время осуществившегося в параллельной реальности интервью по переписке - так вы все-таки не хотели бы жить в другом времени?

- Нет-нет-нет-нет-нет, не надо, я не хотел жить в другое время, мне нравится жить в этом времени и придумывать себе то, как это было в прошлом. Прошлое нравится мне с какой-то книжной точки зрения. А вообще я счастлив, что живу именно сейчас.

Вопрос, так и не заданный Стивену:

- Слушай, а вот общение, которое происходит во сне - оно может считаться настоящим, реальным общением?

Так и не прозвучавший ответ:

- Конечно. Это и есть реальное общение. Только вот верить в него не нужно.

После концерта *(закончившегося-таки безумными тихими танцами)* Стивена буквально в клочья разрывали: пообниматься, поболтать, поплакаться. Неожиданно он оказался каким-то совершенно родным - будто бы вот-вот, сойдя со сцены, заговорит на гортанном русском, с цыганским присвистом. Зыбкая, полупрозрачная реальность концентрируется вокруг него в нечеловеческом объеме - да, именно этот человек будет приходить в белом пиджаке под ваши двери и вламываться в гостиную под ваши вопли. Отчего нет?

Таня Замировская

P.S. Огромная благодарность Bad Taste и лично Сергею Корсакову, разумеется!

фото:станислав волязловский <totem@public.kherson.ua>

илья исупов/из серии **омут**
галерея [цех]; фото:александр кадников

"СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ АПРЕЛЯ, – ТРАНСЛИРОВАЛИ ПО РАДИО ПЕСЕНКУ МАРИКИ РОКК, – ОСТАНУТСЯ В СЕРДЦЕ ТВОЕМ..."
Ю.СЕМЕНОВ, "СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ ВЕСНЫ"

за донжуанский список штирлица
спасибо стасу и юлии волязловским
и сергею дьяченко (черепу)

Schlagersängerin

84

Planet-Verlag Berlin
102 Berlin
DDR
0,20 M

ониско марсель/поп транс
из проекта галереи КАРАСЬ –
А4:художники рисуют

не думай